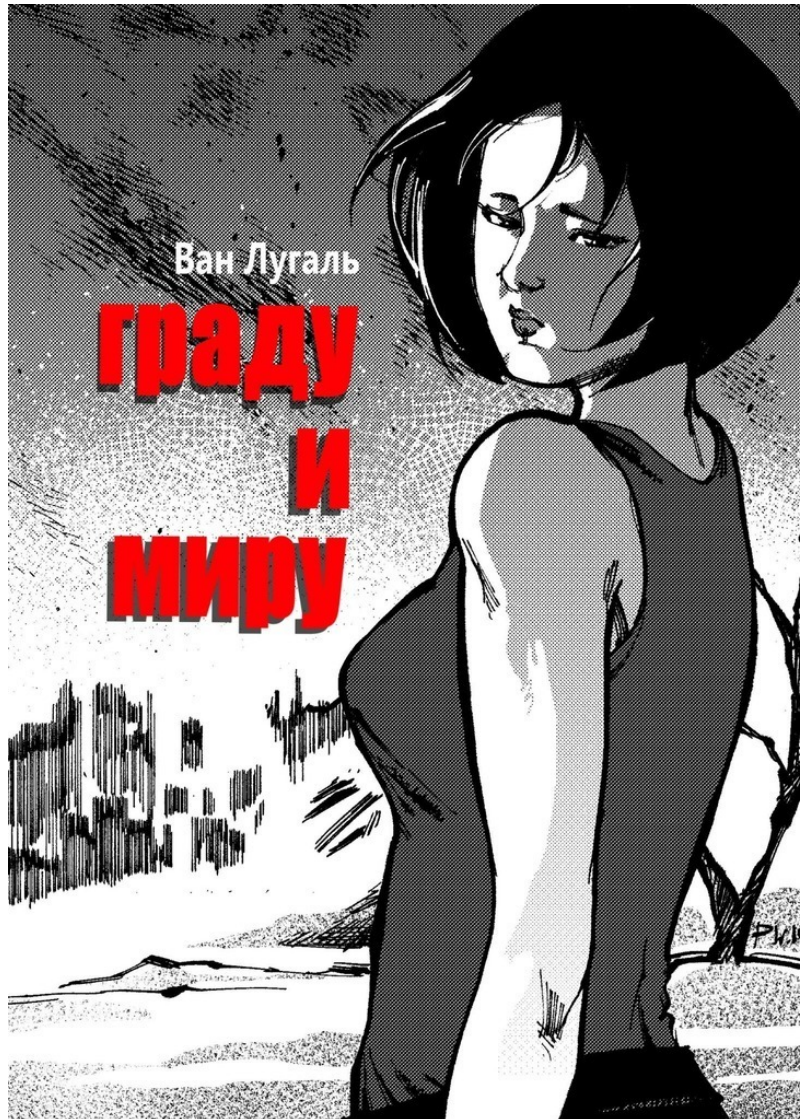

Ван Лугаль

**ГРАДУ
И
МИРУ**

Ван Лугаль

Граду и миру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38570960

ISBN 9785449352187

Аннотация

Почти идеальный мир. Люди, населяющие его, счастливы: каждый прочно занимает своё место в нём, получая взамен все блага. Закончились войны; даже бытовые ссоры происходят редко. Но всего лишь один человек, пришедший из чужого мира, полного боли и страданий, способен нарушить гармонию, создававшуюся тысячелетиями. Человек, который берёт на себя право решать за других и выносить смертельный приговор. Удастся ли Ванессе, жительнице этого мира, прирождённой Душе Земли, вернуть прежний порядок вещей?

Содержание

граду и миру	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	57
Глава 3	103
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Граду и миру

Ван Лугаль

© Ван Лугаль, 2019

ISBN 978-5-4493-5218-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

граду и миру

– Вы притворитесь, что вы были вовсе не детьми, а настоящими мужчинами, и вас в кино будут играть всякие Джоны Уэйны или еще какие-нибудь знаменитости, скверные старики, которые обожают войну. И война будет показана красиво, и пойдут войны одна за другой. А драться будут дети, вон как те наши дети наверху.

...

И тут я поднял правую руку и дал ей торжественное обещание.

– Мэри, – сказал я, – боюсь, что эту свою книгу я никогда не кончу. Я уже написал тысяч пять страниц и все выбросил. Но если я когда-нибудь эту книгу закончу, то даю вам честное слово, что никакой роли ни для Джона Уэйна, ни для кого-то подобного в ней не будет.

...после этого она стала моим другом.

Курт Воннегут «Бойня №5, или Крестовый поход детей»

Часть 1

Глава 1

– Вот так хорошо, – говорит мама, поправляя огромный воротник Ванессинового платья (такие на Земле нынче в моде). Он настолько огромный, что похож на крылья или плащ, и отчего-то вечно чуть морщится и задирается одним краем. Вот и сейчас: мама только его разгладила, а стоило Ванессе наклониться за авоськой с завтраком для отца и выпрямиться, как непослушный воротник снова свернулся и сморщился.

Мама взволнованно откидывает прядь волос со лба. Они у неё коротко подстриженные и смешно торчат во все стороны, словно встали дыбом от ужаса перед поведением воротника. А ещё у неё озабоченные морщинки вокруг глаз и очень тёплые и ласковые руки.

– Мам, – говорит Ванесса, – ну ничего страшного же. До папы пять минут идти. Рядишь меня, как в театр!

– Нет, – отвечает мама упрямо, снова разглаживая «крылья». – Никогда не знаешь, когда встретишь свою судьбу.

Ванесса заливисто смеётся.

– Мама! Ты же сама говорила: судьба меня всегда найдёт, в каком бы виде я ни была! И понравлюсь я ему такой, какая

есть!

– А прилично одетой понравишься гораздо быстрее, – возражает та и добавляет: – Ну всё, иди. Скоро начнётся перерыв, а папа без обеда.

И Ванесса выходит из уютного полумрака квартиры на улицу. Где свет – такой яркий, будто солнце наклонилось, чтобы получше разглядеть её, семнадцатилетнюю девчонку. Где птицы, сидящие на деревьях, поют, радуясь дню и приветствуя Ванессу. Где бабочки стайкой проносятся мимо, едва успевая обогнуть возникшую на их пути девушку, и одна вдруг оказывается на плече. Складывает крылышки, разводит, складывает, словно страницы цветной книжки. Бабочка мохнатая, тёмная, с оранжевыми полосами и белыми пятнами. Папа рассказывал, что такие называются «адмиралы». Ванесса смеётся и протягивает руку, чтобы погладить нарядную по спинке, и бабочка срывается с плеча и, пританцовывая, летит за стаей.

Ванесса едва сдерживается, чтобы не последовать её примеру. Танцевать в солнечных лучах – это замечательно, но кто тогда отнесёт обед папе?! Обязанности – превыше всего.

Поэтому Ванесса чинно складывает пальцы на ручки авоськи и идёт по дороге.

Недавно прошёл дождь, и материал, из которого сделана дорога, ещё тёмный, но большая часть воды уже впиталась. От земли поднимается запах, какой обычно остаётся от тёп-

лого летнего дождя, – пробегающего быстро и неслышно, будто озорник босыми ногами: пока не поймали.

Ванесса идёт, сжав ручку авоськи в ладошках перед собой и раскачивая той из стороны в сторону. Лесной массив по левую сторону дороги сменяется полем до горизонта, зелёным-зелёным, аккуратным, расчерченным на лоскуты. Вдали девушка видит несколько автоматов по обработке; рядом, совсем крошечный, стоит человек и, кажется, читает газету. На автомате возится вторая фигурка – в рабочем тёмно-зелёном костюме по последней моде. Ванесса машет им обоим рукой, но они не замечают.

Как же хорошо, думается ей. Здесь и сейчас – хорошо! Жить – хорошо!

И это – её последние денёчки в ряду дев неразумных, а скоро последние экзамены, а потом – все дороги открыты! Честно говоря, Ванесса не знает, что ей делать дальше. Отец хочет, чтобы она пошла ученицей в Дом Глав Земли или просто в философы. Давно он её туда прочит. Но девушке хочется приносить людям настоящее благо – не то, что эти философы. То есть они молодцы, всё думают, планируют, управляют, это важно. Но Ванессе кажется, что важнее, когда ты делаешь что-то, что люди видят и могут держать в руках. Например, можно тоже заняться сельским хозяйством. Только не так, на полях и на тракторе, а, например, в лаборатории – выращивать новые, удивительные и красивые, а главное – вкусные и питательные овощи и фрукты.

Может быть, она даже сделает что-нибудь такое, за что все-все-все, от мала до велика, скажут ей огромное-огромное спасибо. Например, никто до сих пор не придумал такую питательную смесь, которая детям подойдёт в полной мере вместо материнского молока. Иммунитет будет растить. И вот она, Ванесса, вырастит такой овощ, пюре из которого будет как молоко, представьте себе! И жизнь каждого ребёнка будет ей благодарностью за труд.

И это будут настоящие добро и польза, о которых говорила когда-то Лариса, их любимая воспитательница в начальной школе. Она часто повторяла: «Делая добро другому, ты делаешь добро себе». Такая простая истина – а удивительно сложная! Ведь сколько соблазнов опровергнуть, растоптать, уничтожить её, даже когда ты ещё маленький. Сказать что-нибудь вроде: «А я никак не связан с этим человеком». Но хорошо, что есть понимающие люди рядом, которые всегда направят на верную тропу...

В общем, Ванесса замечталась и чуть не столкнулась с возлодкой. Ну, вы знаете, такой штукой на воздушной подушке. Они почему так называются – раскачиваются, как лодки, и вечно грозят перевернуться. Вот и сейчас машинка, натолкнувшись надувным бортиком на Ванессу, отлетает назад и качается. Водитель, юный паренёк чуть старше Ванессы, заглушил мотор и встал на ноги, сохраняя равновесие.

Ванесса, извиняясь, кидается к возлодке и придерживает её руками. Зря, конечно – никакой пользы не приносит,

только ладошки царапает. Парень садится на место и важно говорит:

– Это хорошо, девушка, что я вас не сбил. А то лежали бы сейчас на полу в своём красивом белом платье.

– О, я полежать люблю! – смеётся в ответ Ванесса. – Так что вы бы мне услугу оказали!

– Экая вы лентяйка!

– Это возрастное, пройдёт. Я работаю над этим, не подумайте!

– И не подумаю. А как вас зовут?

– Ванесса, – девушка протягивает юному водителю ладонь. Тот сначала протягивает в ответ свою, но, спохватившись, вскакивает на вновь закачавшейся лодке и, заведя одну руку за спину, кланяется:

– Влад.

Ванесса вновь смеётся:

– Смешной!

– Я должен быть учтивым, вы понимаете, – говорит Влад. – Ведь я – будущий Глава этой земли.

– Глупый ты и смешной! Ты не можешь быть будущим Главой, потому что Главой не рождаются, а становятся. А задатки много у кого есть, – хитро отвечает Ванесса. – Нужно доказать свою храбрость, разум, широту души и много всего другого. Тогда Земля (при содействии Философов) и выберет тебя.

– А и докажу, – Влад ничуть не смущается. – И выбо-

рет. Мне профессор так и говорит: кандидатов много, но ты, Влад, и умный, и красивый, и с Душой Земли связан.

– А что, она уже появилась? – удивляется Ванесса. – Я думала, новую Душу ещё не нашли. Она, может, и вообще не родилась ещё! Её очень давно не было среди людей!

– А ты не так проста, как кажешься, – дурашливо щурится паренёк.

– Вот и папа так говорит... ой! Обед! – Ванесса подпрыгивает, обхватывает авоську руками, плотно прижимает к груди и что есть духу мчится по дороге. «Я тебя найду!» – кричит Влад ей вслед. Ванесса оборачивается – длинные тёмные волосы волной кидаются ей в лицо – кивает, смеётся и убегает прочь.

На минуту солнце потухает: дежурный лёт гонит тучку туда, где нужен дождь.

А вот и великолепное, стремящееся башенками и антеннами ввысь огромное здание – Дом, где заседают нынешний Глава и прочие философы, ответственные за управление и обучение. Тщательно и долго отбирают они из поколения в поколение тех, кто будет управлять Землёй, мудро распределяют положение вещей в обществе, решая проблемы всего мира и не прося ничего взамен, кроме поддержания в порядке их тел. Земля работает, как единый организм – каждый делает свою работу, каждый – на своём месте. Поэтому на Земле все счастливы.

И Ванесса счастлива, и причём так, как дышит – где-то

на грани осознания. Счастлива и горда тем, что будет частью общества и приносить пользу; счастлива тем, что несёт отцу на работу в Дом обед; что может бежать сейчас по дороге, и ветер – в лицо, и столько всего впереди до старости, которая наступит в двести! Если не позже: мама всегда говорит, что в двести жизнь только начинается...

Дорога не идёт напрямик в здание, а заходит на небольшую площадку для лётов. Такой крюк! Ну вы тоже поймите, Дом только называется так – Дом, а считай – небольшой город. Чтоб с башенки на башенку добраться, иногда машинами пользуются, сама видела!

Так вот, дорога сворачивает, а Ванесса уже торопится: обед, скорее всего, уже начался. Поэтому она спрыгивает с дороги на траву: та щекочет под коленками.

Ванесса бежит через поле к Дому. Авоська не тяжёлая, но бежать, прижав её к груди, неудобно: девушка смешно помогает себе плечами, размахивает ими.

А потом перед ней падает человек. Падает некрасиво, страшно – лицом вниз, скрючившимися пальцами взрезав воздух. Ванесса не успевает понять, откуда он взялся, – спасибо ещё, не наступила! Теперь спрашивает с тревогой, по-прежнему прижимая к груди авоську:

– Вы в порядке?

...Оттолкнув Роба, в последний момент он сам успел упасть.

В глаза ударил яркий свет. «Ослеп» – промелькнуло в голове; зачем-то он осторожно поднял голову. Ощупал веки. Не ослеп. Попытался открыть глаза – открылся только левый. Он ожидал увидеть робот-конвой – жалящие фонарями силуэты на фоне багрового и серого.

Вокруг была – поляна. Зелёная. Ровная. Без рваных ран. Без выпущенных наружу камней и торчащих, как старые зубы, обломков. Перед глазами металась целые, здоровые, сильные травинки.

Он такое видел только во снах.

– Вы в порядке? – повторил звеневший колокольчиком голос.

Он повернул голову и усилием воли сфокусировал взгляд.

Над ним стоял ангел. Его нежные крылья спадали с плеч и чуть трепетали от ветра; его лицо, белое, обрамлённое тяжёлыми тёмными прядями волос, неземное, всеми чертами выражало сострадание – точно все на свете иконы писали с него.

Ангел протягивал ему руку.

И он отшатнулся. Закричал:

– Я не умер!

– Позвольте, я только помогу встать, – говорит Ванесса, шагнув к незнакомцу и по-прежнему протягивая руку. Она улыбается.

Он перекачивается на спину и кричит ещё истошнее

и невнятное.

«Видимо, болеет» – с состраданием думает Ванесса. Бывает, что люди заболевают и начинают вести себя странно. Такие больные и не хотят плохо реагировать, а реагируют, и сами иногда не понимают, что творят. Ванессин класс два года назад водили в специальную лечебницу – показывали. Девушка тогда чётко запомнила: главное – вовремя доставить человека в больницу. Там его обследуют и назначат препараты, чтобы снова обрёл сознание.

Ванесса оглядывается на Дом – нужно торопиться, долг семьи и Земли зовёт; поэтому она более не тратит время на беднягу и нажимает тревожную кнопку браслета. Через тридцать и пять секунд рядом опускается медлёт.

– Просим прощения за задержку в пять секунд, – скороговоркой палит медбрат, выскакивая, – надеюсь, она ни на что не повлияет.

– Здесь человек, – Ванесса указывает на всё ещё кричащего (нет, уже хрипящего) и медленно уползающего прочь незнакомца. – Он упал, я предложила ему подняться, а он кричит и всё.

– Понял, – отвечает медбрат. Внимательно разглядывает упавшего. Теперь и Ванесса заметила, что тот грязен, как чёрт, и почему-то правая сторона лица в крови. Может, упал с летательного аппарата и повредился умом?

Медбрат подносит часы к губам и произносит несколько команд. Что-то вроде «1—3 и 1—4 – захват», – впро-

чем, Ванесса не может поручиться, что звучат слова именно так. Из медлѣта выбираются два робота, похожие на парящие в воздухе башенки в пару метров вышиной, и подлетают к бедняге. Увидев их, он наконец замолкает. Грудь его раздувается, будто там растѣт крик, и опадает, словно сжимая его. Роботы – один слева, другой справа – бережно заключают его в гравитационное поле и поднимают. Незнакомец бессильно обвисает. Только глаза сверкают, мечась от травы – к роботам, от роботов – к девушке с медбратом, от них – к небу...

Застыл, не моргает.

– Прошу прощения, – говорит незнакомцу Ванесса, – что не могу проводить вас до больницы, но мне очень надо бежать. Я постараюсь увидеть вас в ближайшее время.

Она убегает, а за её спиной гравилѣт легко поднимается в небо.

Небо. Синее-синее, какое он видел за свою жизнь только раз: вылетев на хозяйском истребителе за пределы гряды вечного тумана, покрытого рекламными роликами. Но тогда солнце его ослепило, и толком он так ничего и не разглядел. Ещѣ и в самой высокой точке двигателя отказали. Думал только о том, чтобы родную задницу по земле не размазало. Когда всё же почти невозможным маневром смог заставить двигатели работать, а сам – остаться в живых... жалел. Жалел, как мальчишка, что не разглядел получше. Только снились иногда: невесомость, кабина, страшная тишина, равная

смерти – и яркое за стеклом, манящее легендами о рае...

Теперь же он мог смотреть, сколько хотелось.

Разве *при жизни* такое бывает?

А ещё в небе были облака – настоящие, белые. И мягкие тучи, похожие на горстки тёмной ваты. Ещё – летали аппараты самых непривычных форм. Вот как сейчас – блестящий шар гнал стадо облаков куда-то вдаль.

Его поселили у окна, потому что узнали, что он курит. Как только летающие колонны перенесли его в изящное здание с колоннами, сразу, шалея от собственной наглости, и попросил разрешения зажечь сигарету. Ещё и честь почему-то отдал.

Ангелы были как люди, только лучше. Лица всех их были прекрасны, а одежды – белы настолько, что сияли. Он даже проверил: поднёс руку к рукаву ангела, самого младшего на вид. На руке отразился отблеск. Убрал – нет отблеска, поднёс – есть. Затем ангел заметил это и рассмеялся. На душе стало тепло, и он рассмеялся в ответ, но больше глупостями не занимался.

– Прекращай курить, Мэрион. Это безответственно, – сказали ему, и тогда он бросил сигару под ноги и затоптал. Хотя, если подумать, и чего это он так? Ведь и имя было не его, но может быть, ангелы знали какое-нибудь секретное имя, под которым он родился?

Удручённо покачав головами, сияющие существа открыли ему правый глаз, обработали кожу головы и повели по ко-

ридору. Пока вели, навстречу им вышел мужчина, пожилой на вид, с газеткой в руках, в одних трусах и тапочках. Поздоровался с ангелами и с ним. Он был удивлён: пожилого не коснулась дряхлость. Да, седые волосы, да, морщины, но лишь самые яркие. Мышцы его были по-прежнему упруги, и даже... в общем, он старику даже позавидовал, потому что сам так не выглядел даже в первой юности.

– Друг Адитус! – высокий и горбоносый ангел кинулся старику наперерез. – Э-э... не смущайте нового человека! Вы видите, вы его испугали!

– Ни капли, – по-детски возразил он, плясь на старика. Потом перевёл взгляд на ангела – и вдруг понял, что даже под свободными белыми одеждами видно, насколько тот пропорционален и крепок. Он заозирался по сторонам.

Как на подбор – прекрасные. Разные, разные – но глаза было так сложно отвести! Люди, ангелы, женщины, мужчины, старые, зрелые, молодые, одетые полностью или разгуливающие в шортах и майке – все они были так приветливы, так отлично сложены, так... прекрасны, что они могли ходить, не прикрывая наготы – и никто, никто во Вселенной не посмел бы делать им замечаний!

Он смотрел, забывая хотя бы кивать в ответ на приветствия.

Его привели в белоснежную комнату и сказали, что он может принять душ. Деликатно оставили наедине с собой. Он тут же наткнулся на зеркало (отражение выпрыгнуло, как

из западни) и долго смотрел на себя.

Мрачный взгляд из-под неприятно густых и широких чёрных бровей. Часть волос на голове сожжена, на их месте – заживающий шрам. На губе – ссадина, по подбородку, правой щеке и выше, до линии волос, размазана подсохшая кровь. Лоб и уголки глаз – в ранних морщинах. Сломанный в юности нос. Копоть – на лице, волосах, руках, одежде. Одежда... казённый тёмно-зелёный комбез со знаком на груди: неполностью покрашенный круг. Покрыт пылью, копотью. Миллион карманов – вынутые оттуда вещи оказывались на стерильной настенной полочке и тут же обнаруживали своё уродство. Смятая пачка сигарет. Захваченная при побеге душа-оружие. Верёвка. Пропускная штрихкод-карта сэра М. Остатки пайка в коробке.

Почему-то было стыдно.

Раздевшись догола, мрачно оглядел себя ещё раз. Животик, да. С его телосложением у него всегда будет животик, не то что у них. Уродливые шрамы исполосовали всю левую сторону тела и спину. Мышцы вспухли неравномерными буграми по плечам, а ноги же, наоборот, тонки, как спички. Да. Какое может быть сравнение с ними, ангелами и душами праведников...

Сделают ли его таким же, как они? Или побрезгуют, посмотрят, послушают – и отправят уроды прямо в ад?

Оставить патетику. Не унывать. Лучше задать себе вопрос: умываются ли души после смерти? Может быть, это

символическое омовение от грехов, и из душа (душа в душе, ха-ха) он выйдет первозданным, чистым красавцем, и его отправят в рай? Надо же, а он никогда не верил в небеса, да и молитв-то не знал никаких. Но Роб, товарищ, с которым он бежал и из-за которого умер, поговаривал иногда, что можно просто каяться, а Бог всё поймёт. Мол, главное – каяться искренне, и при этом плакать.

Плакать не стал – Роб в этом пункте мог и пошутить. Но пока принимал душ (тот автоматически включился, едва пришелец перешёл во вторую половину комнаты), бормотал под нос все грехи, что вспоминались. Взял без спроса, простигосподи. Убил, простигосподи, но случайно, шальной пулей. Врал, простигосподи...

Продолжил бормотать, когда вышел из зоны душа и тот автоматически выключился; на стерильно-белом полу остались сохнуть тёмные пятна. Полотенца не было; одежда и вещи исчезли. Зато появились мягкие серые штаны и футболка. В поисках полотенца подошёл к противоположной от душа стене, мимоходом глянув на себя в зеркало – правильно, что мимоходом, а то разочаровался бы. Каким был, таким остался, только без грязи и крови.

Внезапно в стене, о которой он успел забыть, открылись щели и подул горячий воздух. Он отпрыгнул и чуть не упал; себе сказал, что это от того, что скользко. Стена закрылась. Он снова приблизился – стена отреагировала точно так же. «Сушилка», понял он.

Высушился, бормоча покаяния.

На выходе его спросили, что за вещи у него с собой? Смущаясь, он объяснил. Особенно ангелов заинтересовало душа-оружие; они никак не могли взять в толк, что делает эта штука и как она работает. Горбоносый, на вид суровый, долго вертел пистолет в руках, затем неуверенно произнёс: «Я видел что-то похожее в старых фильмах... э-э... тебе рано их смотреть, Тиринари» – это в ответ на возглас молодого ангела. «Ты сам это собрал?» – обращаясь к нему, грешнику.

Он объяснил снова, но ангел опять не понял. Это было странно. Могут ли ангелы не знать, что такое «оружие духа», если в Писании сказано, что именно дьявол вручил человеку навык изымать душу другого существа, превращая её в предметы и одновременно порабощая тело?

Так может, его обманывают, и это – люди?

Он вспомнил летающие столбы, поднявшие его антигравитацией; вспомнил сложение; речь.

Если и люди, то какие-то не такие. Иностранцы? Но язык их он понимает. С трудом, да, иногда продираясь через эти их странные «р» и прочие штуки, которые списывал на старомодность речи ангелов, но – понимает же...

Хотя... разве бывают на земле такие небо и трава?

Его побрили, ни разу при этом не порезав. Обследовали, и чем дальше, тем больше он уверялся: если это и люди, то форменные небожители. Приветливая улыбчивая женщина в смешной белой шапочке сделала укол и тут же сказала:

«Ах, вы явно голодали! Недостаток витамина С – на грани, у вас скоро начнутся ужасные проблемы с зубами! Вам нужна специальная диета!». Он хотел спросить, как она могла понять это так быстро, но другой ангел перебил его:

«И как ты дошёл до жизни такой, Мэриоша?»

Этот ангел был, как ни странно, усат и полноват. Но эта полнота была такой здоровой, искренней, что ли, что она выглядела как достоинство. Не то что у сэра М, жирдяя и скотины. Хоть задницу иногда отрывал бы... тьфу, хватит о нём вспоминать.

«Случилось так» – ответил он. И неожиданно для себя выдал: пока на него надевали смешной шлем с проводами, пока мерили вес и рост, пока проверяли внутренние органы – рассказал, кто он, откуда родом. Скуповато – но на ум, чистый после покаяний, мало что приходило. Женщина улыбалась и кивала; полный слушал и крутил ус.

– Эх, дорогуша, – сказал, когда он закончил рассказ, – конфабуляция... проблемы с памятью, – перевёл для грешника, – обследовать тебя хорошенько надо. Но ты не волнуйся: сейчас сфотографируем тебя, отправим на базы. Быстро твоих родственников найдём.

И он понял, как прозрел: всё-таки не ангелы. Люди. Люди другой цивилизации. Эксперимент сэра М удался – правда, не так, как тот ожидал.

Его, беглеца, случайно переместили в другой мир.

Небо. Синее-синее. Ровное-ровное. И солнце – яркое, чистое, аж смотреть невозможно. Ему и запретили смотреть, сказали, что можно ослепнуть. Когда поняли, что смотреть не перестал – затемнили окно.

Думал, такое небо бывает только в рекламе. А вот – стоило только сделать один неверный шаг, и то, что казалось нереальным, стало обыденным. И солнышко плевало, обыденное оно или нет – смотрело в окно, улыбалось, даже сквозь затемнитель щекотало по утрам веки: «Вставай, лежебока!».

Да проснулся, проснулся. Ещё минуточку...

На зарядку ходил со всеми. Быстро познакомился с соседями по палате – их было двое, четвёртая койка пустовала. Выслушал много шуток про появившуюся на месте обритых волос щетину, посмеялся сам – шутки были хорошие. Про свой мир он больше не заикался: говорил, что просто ничего не помнит. Конфа... конфиденция у него. Больные его жалели, и жалость, как непривычно переслащенная пилюля, бессилен. Поэтому большую часть времени он предпочитал смотреть в окно и грызть пилюли, отучающие от никотина.

Потом юный доктор принёс ему местный компьютер – доску, с которой можно было читать и смотреть фильмы. Стало веселее: технологии его мира по сравнению с тем, что он видел здесь, были допотопными игрушками. Вот только что была доска как доска – а вот загорелся экран, и можно читать. Удивительная штука! И не норовит тебя сожрать, а это ценно для человеческих изобретений.

От общих мероприятий он не отказывался тоже: всё же тянуло к людям. Тем более – таким совершенным, как эти. Подумать только, это – душевно больные сего мира: прекрасные, интеллектуально развитые, тонко чувствующие собеседники! После них старый архивариус, с которым он когда-то в юности проводил много времени, познавая книги, казался полуграмотным дикарём! Каковы же те, за границами стен?

Хотя чем больны именно эти люди, ходившие вместе с ним по коридорам, он не мог понять. Вот, сосед например. Сказал, сильно женщин любит. А кто их не любит? – удивился он. Да не, возразил сосед. Я сверх меры люблю, понимаешь? У меня атавистические инстинкты слишком развиты из-за поражений мозга: в норме положено так-то и так-то, а у меня так и так. На всех смотрю, не только на свою жену, ещё и трогать тянусь. И что? – удивился он. Это же нормально, ты же человек. У нас вот как: если ты до женитьбы трёх не попортил – лох, как есть. Во время женитьбы если с посторонними женщинами не пляшешь – так хреновый ты мужик. Сосед смеялся долго и до слёз. Спросил: и ты? И я, – ответил он, вызвав новый приступ смеха.

«Фантазёр!» – выл сосед, утирая слёзы. «Вот фантазёр!»

Смотреть в книгу, скрипя зубами. Почему-то было обидно.

Сами вы дураки. Вот чего.

Так, понемногу, из разговоров перед и после зарядки, из исповедей на коллективной терапии, из доски, заменявшей целую библиотеку – он понял.

Это – идеальное государство. Утопия во плоти. Счастье для всех, и правильность зашкаливает – такая, как про неё бубнят старики-священники. Он слышал про подобные государства там, у себя. Но все, кто рассказывал про них, говорили, что достичь такой топи невозможно, и более того – не нужно: ведь человеческая натура будет подвергнута стеснению. Да только подумайте сами, какой идиотизм: на улице не плюнь, не ругнись, идиоту морду не бей, не кури в общественных местах, восхваляй правящих, пока они за твой счёт наживаются. Купить ничего не купишь – денег нет, довольствуйся тем, что правитель дал. Вот никогда не мог понять, как одни люди могут добровольно отдавать какому-то мифическому обществу своё, родное, а другие – не захватить всё себе. Ну не бывает так. Бред.

В общем, вся эта их топь – это то же, что и его мир, только в профиль. Да ещё жить сложнее. И обиднее: в его мире у плебса хоть и нет прав, но есть хоть свобода решать, покупать, брать!..

...Только вот это задумки. А пришёл, смотришь – и ведь *у них* всё более чем сносно, так, что завистливо дрожит что-то в груди...

В их книжках пишут, что тем, кто принимал непосредственное участие в создании и символом нового мира, стала

Душа Земли.

Он долго пытался понять, что это.

Потом нашёл одну статью, где, долго прокопавшись в смыслах, сносках и прочих хитросплетениях, понял.

Итак, переводя на местный язык, душа – это сознание и воля. Те, кто забирают куски душ в его мире, забирают части сознания, оставляя лишь некоторые инстинкты, и чем больший кусок души ты забираешь – тем больше сознания и воли переходит в твои руки. Но сам ты ими пользоваться не можешь и превращаешь их в предметы – добротные и более долговечные, чем сделанные руками или на фабриках.

Но здесь люди каким-то образом занимают чужому человеку часть своих сознаний и волю, и тот может ими пользоваться!

Его передёрнуло, когда он это осознал. Отказаться от себя, своих желаний и воли, ради какого-то чинуши? Быть подобным нищему на вокзале? Ради чего? Да если бы они думали каждый своей головой, они бы были в сто раз счастливее, чем сейчас, глупыми марионетками в руках империи!

Нет, их мир совсем не так безупречен, как ему казалось. Хорошо сложенные, здоровые, красивые, добрые и умные, развитые – это только верхушка айсберга. Чего всё это стоит, когда свершается не по твоей воле, когда ты свою волю передаёшь какой-то чужой душе?

Впрочем, это были лишь умозрительные заключения, и дела ему до этого не было. Не было, сказал!

В конце концов, его никто не спрашивал, никто не дёргал. За окном было синее-синее небо.

Это его устраивало.

Часто приходил молодой док. Кажется, костоправы (душеправы?) поручили ему следить за новеньким – очень уж дотошно паренёк выпрашивал что, где, да как. Отвечалось всё с меньшей охотой. Ну их, «счастливых». Спокойнее больным на голову прикинуться. Кто знает, что сделают, если поймут, что он действительно не отсюда?

Потом паренёк придумал новые вещички. Возможно, решил, что гость заскучал. Молодой док стал заставлять его петь, танцевать, рисовать, – словно счёл не только больным амнезией, но и умственно отсталым. Танцевать он не умел совершенно, рисовал исключительно высокохудожественные каракули. Песни, которые он знал, заставляли сбегаться под дверь всю больницу, и молодой врач постоянно гонял любопытных пациентов прочь. Открывал дверь, грозился вызовом некого Ипполита, тряс палкой с диодом на конце. Каждый раз заново. Проще было не петь – что в итоге он и сделал.

Тогда они придумали ещё одну штуку. Принесли тонкую такую серебристую шапку, похожую на плавательную. Предложили уснуть с ней на голове. Он был не против – если она не должна была поджарить во сне его мозги, конечно.

На следующий день к нему пришли и показали то, что он

видел во сне ночью. Он напрягся. Он задал вопрос: зачем им видеть его сны? На что ему, улыбаясь, пояснили, что персонал должен контролировать его психическое состояние – так легче будет провести его по пути выздоровления. И выразили глубокое восхищение фантазией и снами.

Тогда он окончательно разуверился в том, что умер. Вот до этого ещё немножко сомневался, думал, не параноик ли, не подозревает ли бедных ангелов – а здесь разуверился.

Потому что только люди могут желать контролировать друг друга, да ещё при помощи рукотворных машин.

Хорошим это, как он знал, никогда не заканчивается.

Его долго спрашивали о снах, попеременно то нахваливая их, то выражая обеспокоенность ими. «Хорошие доки – злые доки» – мысленно шутил он каждый раз по аналогии с копами своего мира.

Они перевели его в отдельную палату. Оттуда в сопровождении молодого дока он ходил на процедуры: успокаивающие ванны, навешанные на кожу штуковины размером с монету, после снятия которых остаётся красный след. Часто надевали на ночь на него эту шапку.

Раздражало. Всё это раздражало. Но, не знавший, чего ожидать от этих людей, он не возражал. Только всё хуже спал ночью.

А днём его покой нарушали посетители. Наверное, их было мало; ему казалось, что сколько бы их ни было – их слишком много. Сначала он мирился.

Потом, после особенно бессонной ночи с адской шапкой на голове, дал раздетому старикашке в зубы.

Ипполит торопливо зашёл в дежурный кабинет и прикрыл за собой дверь. Любопытный свет, заглянувший было следом, вытолкнула обратно в коридор суровая металлическая дверь с глубокой царапиной снаружи. Царапина была пережитком времён таких древних, что некоторые сотрудники искренне считали: оставил её дикий медведь. Да – вещи иногда помнят то, что успели забыть люди.

У вещей вообще память сильнее.

Эндрю и Тиринари сидели, уткнувшись во множество экранов, расположенных над столами у правой и противоположных стен. Второй, надев массивные наушники, наблюдал за садом, Эндрю, надев свои только на одно ухо – за одним из коридоров, где столпились больные.

– Моррисон снова подрался, – не отрываясь от экрана, громко прокомментировал он. – Давненько таких драчунов не было.

– Последний был до твоего рождения, старшой, – отозвался Тиринари. Оба хохотнули.

– Об этом я хочу поговорить, – Ипполит подошёл и помахал рукой перед глазами Эндрю. Тот моргнул и, недовольно встопорщив усы, оглянулся на товарища. Понизив голос, горбоносый врач произнёс: – Э-э... я думаю, нам пора написать о нём.

– Куда? – вздохнул Эндрю и пошевелил усами, словно изображал рассерженного таракана. Дурачится. – В газеты?

– Тише! Нет. В Дом. Моррисон потенциально опасен.

– Он просто буйный. Ничем не примечательный случай.

– Э-э, да. Если забыть, что я занимаюсь органическими поражениями мозга, и я вижу, что это, – Ипполит кивнул на экран, – не они. Мы с коллегами хорошо его обследовали; отклонений нет.

– Значит, психика.

– Значит, психика, – согласился Ипполит.

Эндрю с кряхтением встал, разминая ноги.

– Ну и что? – спросил он и потянулся. – Психические отклонения такого рода не так уж редки.

– В таком ключе – это единственный случай за много лет. Но более важно другое, – Ипполит оглянулся на Тиринари. Тот сидел, надёжно скрыв уши под наушниками, и Ипполит тихо продолжал: – послушай... э-э... мы все искали его. По имени – не нашли. По внешности – тоже ничего. Наши системы не совершенны, но... э-э... но нет и местности, которую он называет своей родиной и которую видит во снах. Он как будто не существовал на Земле.

– И что? – Эндрю снисходительно скривился и опёрся рукой о спинку стула. – Пять случаев за последние три года. Возможно, вырос вдали от цивилизации. До сих пор есть потайные от нашего государства уголки, Ипполиша, представь себе!

– В конце концов их родственников нашли... («И у этого человека найдём» – вздыхая, вставил Эндрю) Не перебивай. Э-э... Я поднял документы. Ты помнишь, был запрос от Учёного Совета: сообщать о пациентах без установленного места жительства («Попросту БУМжах» – хихикнул Эндрю), чьи сны и воспоминания не соответствуют нашей реальности? Ты должен помнить. Они писали, что проводили эксперименты по обмену материей с параллельными Вселенными. Туда – заслали человека, а обратно – ничего не пришло, хотя закон сохранения материи говорит: что-то должно быть. Подняли тревогу, разослали по всем инстанциям заявления о любых находках. Помнишь?

– Да, – сказал Эндрю. – Шуму было много. Даже срочные объявления по голографу делали пару раз. Но это давно было.

– А я не помню, – громко подал голос сидевший к ним спиной Тиринари. Ипполит вздрогнул и прикрыл глаза ладонью. Эндрю прокричал в ответ:

– А ты и не можешь помнить, дорогуша. Тебя тут тогда ещё не работало. – и повернулся к Ипполиту: – Пойдём в столовую? Заработался, снова забыл об обеде. Хорошо, что ты пришёл.

– Э, мы решаем важный вопрос. Как ты можешь помышлять о еде?

– Не такой уж он важный. Будь это гость из другой вселенной, он бы сразу появился, понимаешь? Сохранение ма-

терии: где убыло, там тут же прибыло. Это даже дочка моя знает.

Ипполит скривил рот и упрямо смотрел на Эндрю.

– Не разводи шум, – миролюбиво сказал тот. – Да, случай необычный, но не из ряда вон выходящий.

– У него совсем другое мировоззрение, другая психика, – сказал Ипполит. – Ты не представляешь, что он может сделать. И я тоже не представляю.

– А я представляю? – Тиринари оглянулся, приподняв наушник.

– Ты – тем более нет.

– Ипполиша, пойдём в столовую. – Эндрю взял товарища под руку и открыл дверь. – Я не дам тебе разводить шум и панику. Повторяю: вполне обычный случай. Он описан в литературе. Редко, но не необыкновенно. У него просто особая форма шизофрении, один на миллиард, в справочнике ты его найдёшь как «дикого человека». Из коллективной памяти в голову человеку попадают выборочные реальные воспоминания, достоверность подкрепляется галлюцинациями и бредом. Вспомни, Ипполиша: первую ночь в больнице он бредил, и после у него появились новые воспоминания!.. не смотри с таким укором. Не веришь? Хорошо, пойдём, я сначала покажу...

– Может быть, они и раньше сюда попадали, – Ипполит с досадой покачал головой. – Э-э... я побывал в некоторых из его снов, Эндрю. Я применил новую методику и приме-

рил их на своё сознание, а не просто смотрел с экрана. Это не похоже на коллективные...

– Ты что? – Эндрю секунду смотрел на него остолбенев, затем выскочил в коридор, вытащил туда же за плечо Ипполита, захлопнул дверь и, оглядевшись, зашептал: – Ты что? Это же не протестированная технология! Нельзя!

– Мне дали разрешение. – Эндрю с чувством выругался, и Ипполит, решив сделать вид, что не заметил оплошности старого друга, продолжил: – Я знаю, что это могло мне навредить, Эндрю. У меня достаточный уровень допуска для таких вещей. – Начальник вздохнул, огляделся и скрестил руки на груди. – Его сны слишком... э-э... они наполнены не тем. Мысли, чувства, интенции. Проверь сам. Моррисон опасен. Опасен для всей системы нашего мироустройства.

– Значит, будем с ним дружелюбными и милыми. А вот с тобой, Ипполиша, я дружелюбным быть перестану, если не прекратишь действовать, как практикант, то бишь использовать на себе экспериментальное оборудование, и не отпустишь меня поесть.

– Он носитель того, чего не приемлем мы.

– Так, – Эндрю отмахнулся, – хватит. Как твой друг, я тебя выслушал и проверю то, о чём ты говоришь. Но как твой начальник, ходу пока не дам. Понял?

Ипполит помолчал. Поскрёб щетину. Затем хмуро согласился:

– Да.

На следующий день Тиринари, как обычно, сопровождал пациента Моррисона на процедуры. Ипполиту, которому Эндрю запретил что-либо делать сверх обязанностей, повезло дежурить в этот день за мониторами. Он по-прежнему не находил себе места; но снаружи это не проявлялось никак. Разве что стал чаще барабанить по панели, но мало ли почему человек может начать барабанить?

Врач и пациент долго молчали, пока Тиринари закреплял на голове и руках Моррисона электроды. Тому, кажется, было всё равно: он смотрел в окно, где, оставляя белую полосу в небе, словно пастель по синей бумаге, плыл лёт старой конструкции. Потом Тиринари, обязанный общаться с пациентами, спросил:

– Ты как-то говорил, что уже лежал в больнице, Мэрион. Как это было?

Моррисон искоса глянул на закрепляющего на запястье электрод Тиринари. Губы тронула чуть ехидная улыбка, одна бровь поднялась, натянув на лоб полосы морщинок.

– Это было не так.

Тиринари на миг замер. Ипполит видел, как практикант покраснел. Но, – надо воздать честь юному вундеркинду, закончившему медицинский курс в девятнадцать – не сдался.

– А что ты помнишь? В какой больнице ты жил?

– Жил? – Моррисон рассмеялся, показав ряд мелких зубов. – Ну вы даёте, док. – тут же, будто сжалившись над мо-

лодым человеком, пояснил: – В разных. Лазарет. Чумная. Психушка.

– Психушка?

– Психиатрическая клиника. Заведение вроде вашего. – больной запнулся на середине первого слова, запутавшись в сочетании звуков «т», «р», «ч», но справился и снова улыбнулся. Странная у него была улыбка. Острая. Либо ехидная, либо такая — глаза изучающие, широко открытые, губы чуть поджаты. Словно натянутая на лицо.

Ипполит раньше такого не видел.

– А что ты там делал? Что ты помнишь? – упорный парнишка Тиринари. Если не перегорит с не социализировавшимися, далеко пойдёт. – У тебя была умственная болезнь?

– Нет. Я пытался не попасть на войну, док. – хитрый прищур. Происходящее – словно старинная игра, в которой выдаёшь по одной карте и смотришь: ну, соперничек, как отреагируешь? – Притворялся больным. Не помогло.

Тиринари замер.

– А так разве можно? То есть, зачем симулировать болезнь, если ты здоров?

– Чтобы не идти на войну и выжить.

– Но... разве это не твой долг? – надо же, Тиринари что-то знает про войну. Откуда, интересно? Рано ему ещё. Кто-то наверху решил, что раз вундеркинд, то можно и допуск побольше выписать? Или самоволие родителей?

– Долг, не долг. Можно, если не заметят. Они всех метут –

деньги зарабатывают от грабежа друг друга. Но меня всё равно прибрали. В батальон Безудержных весельчаков.

На этом разговор закрылся. Провели процедуру; Тиринари молчал и крутил колки, Моррисон некоторое время буравил его взглядом, затем – отвернулся к окну. Затем Тиринари снял электроды. Один уронил, и тот закатился под кушетку. Доставая, Тиринари украдкой оглянулся на камеру, и в его взгляде Ипполиту почудилось сомнение.

– Эндрю, – Ипполит ворвался в кабинет к другу, словно природная стихия – не замечая препятствий. Дверь отлетела и ударилась о стену. Эндрю, отгородившийся от мира стопкой заполняемых бумажек, и недовольный, что его отвлекли, едва выглянул из-за неё: два круглых тёмных глаза под густыми прямыми бровями. – Его надо изолировать.

– Опять ты про Моррисона? Что на этот раз?

– Он смущает молодых сотрудников разговорами. Э-э, может, он того не хочет, – заметил Ипполит. Прислонился к стене боком. – Но он внушает им недопустимые мысли. От чего отучают, и некоторых всю жизнь, в клиниках вроде нашей. – и он пересказал услышанный им разговор.

– Тебе могло показаться, – пробурчал Эндрю, не отрываясь от бумажек. – Чудак ты. Парня не зря сюда отправили в таком раннем возрасте – значит, устойчивость есть. Он и Рамини курирует. И пока повышенной половой активности не обнаружено, знаешь ли. Ты, Ипполиша, лучше бы об Ан-

гелине из третьей палаты подумал, чудак. Женщина не видит ничего, что находится по левую сторону, а он с Моррисоном носится...

– Надо с ним поговорить, – Ипполит нервно хрустнул пальцами и заметался по кабинету. – С Тиринари. Он мог, э-э, неправильно понять этого человека. Он совсем молод.

– Вот и поговори с дорогушей, как выдастся такая возможность. Проведи разъяснительную работу.

Ответом было судорожное молчание. Эндрю, слишком хорошо знавший друга, вновь выглянул из-за стопки бумаг. Ипполит сидел за стопкой на кончике гостевого стула, выпрямив спину, и напряжённо смотрел перед собой.

– Что? – спросил Эндрю устало.

– Но я не знаю, как. То есть, меня обучали, как вести себя с больными, а со здоровыми... э-э... у меня нет доступа С. То есть... э-э... у меня нет доступа к архивам того, как строился наш мир, и... как вести себя с персоналом...

– И на С такого не найдешь, – согласился Эндрю. – Думаю, это не ниже В, первой трети, для особо психически и морально устойчивых с умением обобщать категории и навыками управления, а также возрастом не ниже сорока пяти лет... не тушуй, Ипполиша. Ну там просто поговори, как с братом, когда он переобщался с шизофреником, или придумай сам, ей-богу, парень ты с мозгами, со временем тебе и С, и В дадут.

– Ладно, – согласился Ипполит, – как с братом, понял.

Точно. Я подумаю. Э-э... тебе помочь с бумагами?

Из-за стопки высунулись недовольные усы:

– Давай, давай... хоть сделаешь полезное дело! Почему они от бумаг не отказываются в век голографии, ироды? Почему в таком случае не пользоваться глиняными табличками, это же так удобно!

После двух часов совместного разгребания документации Ипполит таки убедил начальника откопать распоряжение от учёных – как особо важное, все годы оно хранилось в особой папке. Врачи перечитали текст обращения три раза, но ничего, что могло бы убедить Эндрю в том, это Моррисон и есть та самая материя, но почему-то перенесшаяся с задержкой, не нашли. В итоге Ипполит надавил, и они послали запрос учёным в Главный Университет: впрочем, судя по встречному сообщению от автоответчика, ожидать в ближайшее время вестей не стоило.

Назавтра разговора с Тиринари не состоялось. Как назло, Ипполита отправили в командировку на другой конец материка, на конференцию; когда он вернулся, ещё некоторое время возможности поговорить лично не было. Требовалось написать отчёт, сделать доклад, представить его на конференции, теперь уже в городе. Больные при встречах в коридоре шутили, что успели по нему соскучиться; Эндрю с гордостью говорил каждому, что скоро его друг станет равным ему по званию, а дай ему пару лет – станет директором всей лечебницы. Ипполита всё время окружали люди, либо же он

работал почти без сна над проектом.

А может быть, он сам боялся признаться, что откладывает разговор, надеясь, что не придётся затрагивать неизвестную тему. Да и Эндрю прав: не зря парня в таком раннем возрасте сюда отправили, справится.

Должен.

Пришёл и ответ. Эндрю, торжествуяще топорща усы, тыкал распечатанную бумагу под горбатый нос Ипполита и приговаривал: «Видишь, я был прав! Закон сохранения!». «Э-э... возможно, они отправляли ещё кого-то?» – спрашивал уставший врач, и Эндрю тыкал пальцем в другую строку, где чёрным по белому было сказано: «...новых переносов в последние годы не совершали по причине, что найденные миры не представляют ценности».

Потом возможность поговорить преставилась. Слегка клюя носом за мониторами, – научная работа последних недель отняла недюжинные силы – Ипполит вдруг заметил, что Тиринари встал со своего места.

– Куда? – сонно сощутив глаза, спросил он. Тиринари шутиливо козырнул (где набрался?) и отрапортовал:

– Сопровождаю Мэриона Моррисона!

– А, иди, – кивнул Ипполит и отвернулся к мониторам. Там Агнесса, пожилая женщина, рассказывала соседке по палате, как изменился мир после операции на мозг.

Вот мода пошла у молодых – козырять... что-то в этом есть, а?

Вдруг врача точно обожгло.

– Тиринари, подожди! – окликнул он коллегу. Тот в недоумении остановился, опасливо глядя из-за плеча. Ипполит торопливо встал, едва не уронив стул, и врачи вместе вышли в коридор. – Я слышал, ты иногда общаешься с Моррисоном.

– Да, он занимательный человек, романтик и бунтарь с самыми свежими и яркими взглядами на мир, – весело отозвался тот. Ипполит опешил. На всякий случай спросил:

– Э-э... Ты о Моррисоне?

– Да. Все Мэрионы похожи друг на друга, но этот будто сошёл с иллюстраций о старых преданиях, – просиял молодой врач. – Как он рассказывает о войне! Трах-бах! Один на десять человек! А как он дерётся, ты бы видел! Его бывший сосед по палате, Бостон, хотел за то, что он правду рассказывал про войну, ему лицо начистить! Мэрион его самого начистил, да так, что больше никто с ним ссориться не желает!

– Дорогуша, – Ипполит вспомнил, что так всегда называл Тиринари Эндрю, и едва заметно улыбнулся, – это замечательно. Но тебе ещё рано знать о войне. Тебе едва за двадцать. Ты не представляешь, какая это трагедия для народов.

– Почему же, знаю. Мэрион рассказал. Война – это когда люди умирают не от старости. Это когда есть болезни. Есть опасность умереть. – Тиринари вздохнул и сказал: – Честно говоря, я даже поглядел несколько раз записи снов Мэриона. После его рассказов – это потрясно! Ипполит, ты не знаешь,

как скучно, как пресно мы живём!

– Это что же такого пресного в нашей жизни? – Ипполит старался, чтобы голос звучал непринуждённо.

– Ипполит, он правда оттуда. Он был там, – Тиринари остановился и со странной блуждающей улыбкой продолжил: – Он был на войне. Он сбежал. Потом его несколько раз пытались убить, потому что он шёл против системы. Его истории – это истории о сильных людях, которые каждый сам за себя, а не делают то, что им говорит какой-то совет.

– Много ты общался с Моррисоном, Тиринари?

– Да почти каждый день. Представь, мне удалось его разговорить! Это удивительно, правда? Его не назовёшь душой компании. Он сначала почти всегда молчал, ограничивался короткими фразами. Неудивительно, с его-то жизнью! Но я старался поддержать разговор, выказывал искренний интерес, как ты советовал. Сначала ужасался, но через силу слушал. А потом и впрямь так интересно стало! И Рамини тоже заинтересовался, приходил иногда. Вот мы подумали с Мэрионом и решили, что будем проводить вторники рассказов. Каждый рассказывает о себе. Это великолепная методика! Знаю, похожая уже была, но эта особенная!

Ипполит вздохнул. Тиринари, не заметив этого, продолжал:

– Она заключается в том, что человек сам выбирает историю для рассказа, и после того, как он её выплеснет, становится легче! Не смотри так насмешливо! Сначала нас было

трое, а теперь вот – полбольницы ходит, и тебе понравится! Мэрион – звезда, конечно. Все мы с нетерпением ждём его историй! Запишу их и... как думаешь, я смогу защитить степень? Тебе тоже нужно послушать, Ипполит: истории этого человека -истинная жизнь! – с этими словами Тиринари толкнул дверь процедурной и сделал приглашающий жест рукой.

Ипполит остановился на пороге. Кабинет был залит светом; в центре стоял круг из стульев. Горбоносый врач сразу увидел Моррисона: тот сидел, откинувшись на спинку стула, и глядя в окно. Остальные присутствовавшие – человек двадцать – бурно и радостно приветствовали Ипполита; Моррисон только кивнул, улыбаясь одними губами. Сердцевина урагана, ни больше ни меньше.

Тиринари из-за спины срывающимся голосом произнёс:

– Проходи, проходи, Ипполит. Привет, Мэрион!

Моррисон сверкнул отремонтированными и отбеленными зубами.

– Здравсьте, док, – развёл руками. – Я вас помню! Пришли послушать самую настоящую правду о жизни, о человеческой природе и подвигах?

Возбуждённо переговаривались пациенты. Здесь была и пожилая Агнесса: на пару с соседкой они хлопали в ладоши и хохотали; были юные Жорж и Сим; была стайка девчонок-медсестёр – Таллия, Калли, Клио и ещё три, которых врач заметил едва мельком; был Адитус из восемнадцатой,

человек не первой молодости...

Остальных Ипполит оглядеть не успел: Тиринари кашлянул.

– Э-э... в мои планы это не входило, но давайте-ка послушаем.

Овации загрели навстречу словам Ипполита. Забыв стереть с лица оскал улыбки, он занял свободное место. По соседству, пристроив на коленях планшет, уселся Тиринари. В ответ на недоумённый взгляд старшего скрипучим шёпотом пояснил:

– Записывать буду.

– Угу, – ответил Ипполит и покивал.

– Ну, Мэрион, – это Адитус. Улыбается благожелательно, сам похожий на доктора, даром что в халате на голое тело. – Мы ждём!

Моррисон поднял брови, а окружающие снова зашумели: «Да, Мэрион. Начинай». Тогда пришелец встал, поклонился, прижав правую ладонь к сердцу, и медленно произнёс:

– Итак, Настоящая Жизнь, Как Она Есть.

Моррисон провёл рукой по затылку, ещё больше взъерошив ёжик отросших волос (надо же, а казалось, только недавно побрили!), и начал:

– Это было, когда меня отправили в Весельчаки. Скажу вам, туда отправляют отменных психов!

«Э-э, как ты заговорил. Оратор древности, не иначе» – с неприязнью подумал горбоносый врач.

ла, который чуть не убил тебя в первый день! – объяснила она явно для Ипполита.

– Он, – кивнул Моррисон. По рядам пронеслось гудение. – Именно. И вот, словно в древней мудрости, спускаюсь я к нему – течение медленное. Он говорит мне: «Браток, помоги». Ну я по дурасти оттащил его на берег, думаю, может, будет мне благодарен, отстанет и остальных отмахнёт, а то устал я с ними драться. А он, только на ноги встал... рост во, – Моррисон поднялся на цыпочки и над собой установил руку, – плечи во! – он развёл руки в стороны. – И говорит: я тебя, браток, отпустить не могу. Ты удерёшь, не в этот раз, так в другой. А нам кандалы ещё копить. Несправедливо это, браток. Ухмыляется и достаёт пушку. Нет, не древнюю ядерную, девочки. Обычную. И целится.

Он встал в стойку, изображая, будто целится из пальца в Тиринари. Агнесса захохла. Её соседка сидела, отрыв рот и прикрывая его тыльной стороной ладони.

– Не знаю, что мне помогло, – сказал Моррисон и убрал палец в карман. – Наверное, глина. Я поскользнулся, и заряд прошёл мимо. Потом я – прыгнул, и ещё! Пахлаван стрелял не очень хорошо, он больше по битию морд новичкам... ещё и раненый. Повезло. Бегу. Он за мной. А навстречу – целодонт! На задние лапы встанет – как два меня, клыки – во! – иномирец показал нечто с ладонь, Ипполит недоверчиво прищурился, но, похоже, критично настроен был он один.

– Сожрёт и не заметит. Ну, я от него на дерево – прыт-

кий же. А они наверх смотреть не могут, так что зверюга меня сразу потеряла. А тут Пахлаван бежит, он ж бездушный, ещё и псих, ещё и раненый, не сообразил ничего. Чуть ли не налетел на зверюгу, а та его на! – Моррисон рубанул ладонью воздух. – Он орёт! Ну она подрала, пошла. Я спускаюсь. Он опять хрипит: «Браток, помоги». А я уже наученный, знаю: закопает, скотина. Ну так я его сначала заставил его вымалывать у меня пощады, а потом остаток души забрал, совсем немного оставил – чтоб ходить мог и дышать. Душа у него была в форме лучевика, да ещё с прицелом... правда, прицел был сбит, а сам лучевик странный – лучи отклонялись градусов на десять то в одну, то в другую сторону... но что ожидать от не лучшего куска души психа? Прицел я оторвал и выкинул. И всё бы ничего, добрался бы я куда-нибудь, но...

– Но вас наконец-то нашли стражи правопорядка и арестовали? – прервал иномирца Ипполит. Взгляды – осуждающие, обиженные – обратились на него; девчонки из пятой даже всплакнули. Моррисон развёл руками:

– Ваша пронизательность, док! Скрутили, как миленьких. Пахлаван до сих пор живет меня, пашет на рудниках. А ваши симпатии, смотрю, не на стороне пострадавших. Это необычно.

– Потому что пострадали за дело, – чётко и громко известил Ипполит. – Я неотъемлемая часть государства, как и все присутствующие здесь. Мы – наша земля. И отщепенчество,

пренебрежение своими обязанностями из вашего рассказа – это не для нас.

– Ну что вы, доктор, успокойтесь! – замахал полными руками добродушный Адитус. – Это же всего лишь рассказ. В нём разик можно поболеть и за отщепенца...

– Убить, забрать душу... если вообще забыть, что души в понимании древних на самом деле нет... э-э... трусить, манкировать долгом – вы, слушатели, считаете, это нормально? Этому можно сопереживать?

– Доктор, милый, – прощепетала лучезарная Агнесса, – это всего лишь рассказ. Молодой человек обладает незаурядной фантазией. Вам нужно было слушать с начала: это не наш мир, а придуманный молодым человеком. Это мир отщепенцев, где нет общего блага. Там каждый сам за себя. И герой молодого человека абсолютно прав, что защищает себя, потому что больше за него вступить некому. На фоне остальных персонажей – отвратительных эгоистичных душегубов! – он проявляет себя достойно.

– Да и как вы предполагаете жить в таких обстоятельствах? – добавил Адитус. – Подумали бы вы об общем благе на его месте! А он ещё и людей спасает. Вот как. В прошлом рассказе спас.

– Э-э, – Ипполит на миг замялся, смятённый аргументами, но тут же воспрял духом: – Но разве вы бы не пошли туда, куда призывает вас государство, даже если это стоило бы вам жизни?

– Это не про нас, – терпеливо и мягко сказала Агнесса. Кажется, до болезни она работала в синематографе. – Он создаёт сказку, нереальный мир, отличающийся от нашего.

Тиринари тихонько вздохнул.

«Как бы некоторые в этом зале не жалели тайком, что мир Моррисона нереален», мелькнуло в голове у Ипполита.

– Это не только про мой... как бы придуманный мир, – подал голос рассказчик. Ипполит повернулся к нему; Моррисон был страшно серьёзен. Солнце падало на левую сторону его лица, делая почти невыносимо ярким; другая половина пряталась в тени. – Это про всех. Люди везде одинаковы. Империи одинаковы. Они живут в первую очередь для себя. У нас так; так и у вас. Просто вы не видите.

– Бред, – выдохнул Ипполит. – Бред. С чего ты это взял?..

– В своё время я прочитал достаточно утопий и антиутопий, – серьёзно сказал Моррисон. – Особенно комиксов. Так что в теории я прекрасно подкован. Здесь и сейчас я единственный зрячий.

Ипполит смотрел на него.

Потом у него задёргался глаз. Врач резко, по-птичьи, повернул голову налево, направо. Зрители настороженно молчали, перекидываясь испуганными взглядами. Ипполит убрал волосы со лба и снова перевёл взгляд на стоявшего:

– Нет. Вы посмотрите. Вы... вы только!.. каков наглец! Он живёт на нашей гостеприимной Земле, принявшей на себя заботу о нём, оборванце из ниоткуда, и он смеет ещё крити-

ковать!

Его голос утонул во всеобщем смехе. Люди смеялись и одобрительно кивали Моррисону.

– Юморист, – хлопала в ладоши Агнесса на пару с соседкой. – Как вжился в роль! Так и видишь этого мальчику, запертого в ужасном мире отщепенцев!

– Даже Ипполит поверил! – воскликнула одна из тройки девушек.

Моррисон улыбался одними губами и кланялся.

Ипполит, не дожидаясь, пока овации закончатся, выскочил в коридор. За ним выбежал Тиринари.

– Ипполит! – проскрипел он и закашлялся. Увидев, что врач, чеканя шаг, уходит прочь, он бросился вдогонку, повторяя: – Стой...

– А ты? – спросил Ипполит, резко останавливаясь. Тиринари пробуксовал по гладкому полу вперёд и повернулся к старшему. – Ты-то хоть понимаешь, что это – не фантазии? Да даже будь это фантазиями, это было бы диагнозом достаточно точным, чтобы...

– Да, – кивнул Тиринари, прерывая словесный поток. – Старшой, он не выдумывает. Не знаю, когда и где – но он это видел. Я верю ему. Он из другого мира.

Ипполит пожевал губы. Огладил горбинку носа, его крылья.

– Э-э... и?

– Но в его ситуации, – нравоучительно произнёс Тирина-

ри, – это был единственно правильный выход. Он герой. Он выжил просто в невероятных условиях!

– Он не герой, Тиринари, – Ипполит раздосадовано сморщился. – Героев ты увидишь, когда дорастёшь до плёнок о войне. Э-э... Это он вам рассказал, глупым и наивным, свою версию, а вы и поверили. Ты, дорогой мой, ещё слишком юн и приласкан Главами Земли, ограждающими людей от боли и страданий, чтобы понимать: люди часто врут. Они оправдывают себя и свои действия. Особенно – особенно! – совершив ошибку. Нужно уметь снимать шелуху. Под шелухой красивых слов у него, – палец ткнулся в направлении двери в кабинет, – трус, подлец и ничтожество!

– Но это среди ещё больших трусов и ничтожеств, – возразил Тиринари. – Послушайте его ещё немного и поймёте, как вы ошибались на его счёт! Он восстал едва ли не в одиночку против целого мира, забывшего о своих людях! Против тирании и зла! Он не мог действовать иначе, а то бы его растоптали! Убили!

– Вот, – обвиняющий палец ткнулся в грудь молодому врачу, – вы его оправдываете. Вы называете его героем. Вы уже впускаете его ценности в себя.

Тиринари вздрогнул и шагнул в сторонку – прочь от обвиняющего пальца.

– Да какие ценности? О чём вы говорите?

– Вы не умеете отделять зёрна от плевел, – сказал Ипполит. – Не знаю, недостаток это нашего общества или че-

ловеческой природы, что люди в большинстве своём остаются в неведении. Этот человек только что рассказал нам, что трусливо избегал исполнения долга, а после того, как его врага чуть не убили, воспользовался тем, что тот слабее и поработил его.

– Так ведь правильно сделал!.. Враг бы его убил!..

– То есть вы теперь считаете, что и вам в такой ситуации – можно? – непонятно ответил Ипполит. – Не отвечайте. Я вижу.

Он двинулся дальше по коридору, и Тиринари растерянно поплёлся за ним.

– Вы временно отстранены, – продолжал Ипполит неприлично сурово. – Пройдёте курс терапии. Какой – вам скажет Глава. Э-э... *Кружок* ваш закроем. Не спорьте. И не надо петь песен про злое государство и добрых гордых одиночек. Потом поймёте, кто на самом деле зрячий, – смерив юного врача испепеляющим взглядом, старший решительно открыл стеклянную дверь, отделявшую следующую часть коридора, и направился далее. Тиринари споткнулся и, сжав руки в кулаки, долго смотрел сквозь стекло на удаляющуюся спину.

– Снова вы, юный док? – смеясь, спросил Мэрион, когда дверь за его спиной открылась. Он уже был в своей палате. – Как мой рассказ вашему начальнику? Он покинул нас, забыв оставить достойную рецензию.

– Всё как у тебя, – Тиринари вошёл, опёрся о подоконник и тоже теперь смотрел в окно. – Большая и несправедливая система пытается загасить свободный дух. Да кто они такие? – Тиринари обиженно ударил кулаком по пластику. Тот не шелохнулся, не отозвался. – Кучка стариков, которая диктует, как надо жить. Они ничего не знают о настоящей жизни, они не понимают, зарылись в свои древние бумажки и старые правила, – а диктуют!..

...Он заметил, что всё реже смотрит в фантастическое небо и всё чаще – на людей. Люди говорили разные вещи; они спрашивали и слушали. Слушали – но очень часто не слышали.

Он понял, что может спокойно рассказывать про свой мир – они не поверят, так как жизнь в довольстве разнежила их, и они стали глупыми. Древние ожившие архетипы, сначала говорил молодой док. Великолепно сфантазировано, верещали все. Его находили «оригиналом», «человеком тонкой душевной организации». Только один, кажется, услышал.

Впрочем, эти, на посту, у власти, всегда настороженные. Держатся за своё положение.

Горбоносый переселил его в отдельную камеру, где окна не было, и лично, заменив парнишку, стал провожать на процедуры. «Кружок» был закрыт.

Горбоносый не говорил с ним. Лишь однажды обмолвил-

ся, говоря о Мэрионе весёлому усатому врачу: «Человек из мира отщепенцев».

Он запомнил.

Ему носили разные местные книги и фильмы. Искусство было, конечно, прекрасным и высокоинтеллектуальным, но после третьей ленты ему стало скучно. Занудство, оптимизм с перебором, заумь, и обязательно всё заканчивалось словами вроде «и их труд стал основой счастья для десятков людей». Неудивительно, что его неуклюжие рассказы, полные приключений, нравились местным.

Он как раз читал одну из таких макулатур, когда в палату ворвался, странно сгорбившись, парнишка – бывший врач. Ему, насколько понял отщепенец, запретили общаться с пациентами и, кажется, самого принудительно лечили. Чем это может быть в местном исполнении, с их-то технологиями – житель другого мира предпочитал не думать.

– Мэрион! – по-детски воскликнул парнишка и добавил чуть тише: – Мэрион, они идут сюда. Они хотят...

Сердце осторожно стукнуло о ребро и замерло недоверчиво. Опять повторяется – облава, погоня, стрельба, из мира в мир, из жизни в жизнь?..

– Юный док... – он собирался сморозить какую-нибудь шутку из тех, что обычно приводили местных в восторг, вроде «Они хотят меня объездить?», но парень перебил его:

– Я больше не док!

Страх. Страх был в скрючившихся пальцах и перекошенном рте.

В свете, льющемся с безукоризненного потолка, появились лёгкие тени. Привычные тени.

Он отложил планшет и встал на ноги.

Парнишка смотрел на него, как *в том мире* иногда смотрели на жрецов.

– А теперь внятно объясни: что случилось? – спросил он. Парень открыл рот, но ответить не успел.

Явился горбоносый док. Его сопровождали огромные летающие гравибандуры. Он был уже знаком с этими роботами: они подхватили его несколько месяцев назад на нереальной лужайке, а в больнице часто носили лежачих.

– Э-э, человек, находящийся в больнице №112 под именем Мэриона Моррисона, – сурово произнёс док, и на лбу горбоносого появилась испарина. – Вы будете перемещены в специальное учреждение. Вас уже ожидают. Пройдёмте в лёт.

– Я не согласен, – сказал он. – Вы сами говорите, что я свободный человек. Так что я не пойду.

Док наградил его презрительным взглядом. Парнишка жался в угол и не дышал, – кажется, горбоносый его не заметил.

Док процедил сквозь зубы:

– Свобода человека заканчивается там, где начинается личное пространство другого. Надеюсь, в вашем мире это

понимают? Своим поведением вы вмешиваетесь в свободу окружающих. Вы обязаны ответить за беспорядки в моральном, интеллектуальном и физическом планах. Или вы и законов не соблюдаете? Закон прерий, или как это у вас?

– Куда меня отвезут?

– Боюсь, на данный момент это вас не касается, – отрезал док и крикнул роботам: – 1—5 и 2—6! Режим 3-с!

Гравибандуры развернулись в воздухе и начали заходить одна слева, другая – справа. В голове мелькнуло: коридор, в котором мелкие жёлтые лампы множат тени; табло над одной из дверей: «Запасной выход»; два робота-паука с остриями на лапках. Фанатичный блеск фасеточных глаз; мигание красных огоньков у «жвал».

Он, не задумываясь, отпрыгнул в сторону, оказавшись за одной graviбандурой, и мощным ударом вырубил её; это оказалось проще простого. Он сам не ожидал. Но отточенные за много лет инстинкты не позволяли остановиться и удивиться. Прежде, чем зрители успели моргнуть, а оставшаяся без поля бандура – упасть, он запрыгнул на неё, затем перепрыгнул на вторую и проломил ей крышу.

Роботы рухнули почти одновременно, содргнув больницу.

Док стоял, бледнея и сжимая рот в узкую ленту. Рука горбоносого медленно-медленно потянулась во внутренний карман.

Он, по-прежнему не размышляя, прыгнул на опережение.

Он никогда не был особенно быстрым. Ещё и потерял форму за время, проведённое в обществе псевдоангелов.

Док мог уже достать бластер и пристрелить его.

Но... медлил?

Об этом он подумал потом.

...он стоял над телом и смотрел в мёртвые глаза. Рука, так не нажавшая на курок, была откинута в сторону. Проскользивший по полу комнаты пистолет лежал у ног паренька. В ушах до сих пор стоял страшный крик: «Нет!». Паренёк больше не стоял – сидел, прячась за собственными коленями и забыв закрыть рот.

Он подошёл и поднял пистолет. М-да. Далёко не новый; модель незнакомая. Ей не пользовались долго, даже не особенно ухаживали. Ещё и предохранитель не снят... вот дурак.

Безобидные они тут. Глупые, как овцы. Нет. Овцы умнее. Небось и как стрелять-то – не знал, пригрозить хотел. Зря, зря его убил... сколько теперь будет проблем.

Но снявши голову, по волосам не плачут.

Он вышвырнул пистолет в коридор.

– Неужели нет другого?.. – еле слышно прохрипел юный док, не сводя с него глаз. Он криво ухмыльнулся:

– Что зря жаться по углам, парень. Мы захватим эту неправильную больницу на раз и наведём тут свои порядки. Станешь здесь самым главным, и дашь мне спокойно прожить остаток дней. Идёт?

Парень задрожал.

– Но...

И проглотил своё «но» вместе с остальными словами, только взглянув ему в глаза.

Глава 2

Солнечные лучи вливаются сквозь окно в комнату и за-топляют её неохватным светом. Даже воздух, прогретый ими, пахнет совсем иначе, нежели тёмный, коридорный. Меж лучами танцуют пылинки: опускаются, взмывают, кру-жатся в почти неощущаемых потоках. Ванесса занимается работой по хозяйству: загружает стирку в машинку, посуду – в мойку, режет овощи в суп. Мама против пищевой автома-тики, поэтому приходится готовить самим. Иногда Ванесса улыбается, качает головой в ответ на свои мысли (тонкие, почти неосознаваемые ею самой паутинки) и начинает при-танцовывать. Затем вспоминает, что она – здесь и сейчас, смущается и начинает суетливо нарезать, мыть, загружать, выгружать. Но зря она не продолжает танец: никто не смот-рит на неё, чтобы немедленно осудить. Папа на работе, мама, учитель математики, репетирует отстающую ученицу. Ванес-са слышит, как мама диктует примеры, а девочка решает их, тут же рассказывая, как и зачем она это делает. Она всё вре-мя допускает одни и те же ошибки, но мама не сдаётся, и раз за разом ласково объясняет, как нужно было решить, приво-дя в пример яблоки, конфеты, бабочек. И вот девочка уже понемногу начинает понимать, какова связь между абстракт-ными цифрами и реальными вещами.

Ванесса гордится своей мамой, её терпением и волей. Ка-

жется, ей самой никогда не хватило бы ни того, ни другого. Впрочем, когда девушка говорит родителям об этом, они только смеются. «Вот будешь жить сама, и не такую волю проявишь. У тебя надобности нет» – повторяют они всякий раз.

Вдруг мягкий приятный звонок, имитирующий птичий щебет, сообщает, что входная дверь открывается.

Он провёл пальцем по кровавому пятну и, сощурившись, разглядел то, что осталось на подушечке. Затем так же вальяжно растёр кровь в ладони и перешагнул через труп.

Парнишка со странным именем (Тинари? Тиррари?) зачарованно смотрел из-за угла больничного коридора. Он не помогал, но и не сопротивлялся прошедшему по больнице смерчу; лишь стоял в отдалении и неотрывно глядел.

– Отведи его к остальным, – нарочито лениво приказал он, указывая на скорчившегося на полу рядом с трупом усатого дока.

Тэрри отступил на шаг, всплеснув руками.

– В чём дело? – он не чувствовал раздражения, но добавил его в голос. – Ты со мной или типа герой?

Тирари побледнел и помчался к пленнику. Суетливо стал то ли помогать, то ли мешать встать на ноги, и зачастил:

– Простите, Эндрю. Прошу прощения. Прощения просим. Теперь вы с Ипполитом поймёте, что есть сила. Это на самом деле не страшно... нам нужно привыкнуть... – Эн-

дрю, судя по звуку, вырвало. – Пойдёмте, пойдёмте. Вот так. Извините, что хватаю вас...

В конце концов, вопреки своим стараниям, парнишка поднял пленника. Обернувшись, человек у окна увидел, что усатый еле стоял на ногах; глаза, округлившись, смотрели будто сквозь стены, а руки держал он перед собой, как крыса, стоящая на задних лапах.

Ничего, не помрёт. А ведь пытался сопротивляться, чёрт, спасал своего драгоценного директора...

Но он добрый, и не стал убивать беднягу по примеру сэра М. Хотя мог, мог.

Вскоре эхо шагов стихло. Он снова поднял взгляд к небу – синему, как и прежде. Оно всегда было равнодушным к судьбам людей и не прерывало своего хода; когда он хоронил друзей, оно не прекращало лить ядовитый дождь, разъедавший трупам кожу; когда за его головой устраивали охоту, туман и снег почти не скрывали его от чужих глаз.

Здесь не так жестоки – и этим слабы. Они хотят власти, конечно же хотят, – как иначе? Но они не привыкли к отпору. Что ж, он просто показал им, что нужно всегда быть наготове. Может быть, почуяв силу, оставят его в покое. Если нет – он всегда готов дать отпор снова.

Можно доживать век в больнице.

И никакого рая не надо. В раю скучно – бело и стерильно. Он смотрел в небо, и вдруг понял, что не в раю ему скучно. Ему скучно здесь и сейчас. Мышцы, вспомнившие, что

такое движение, требовали жизни, а ум, привыкший к бесконечным битвам, требовал продолжения.

Он прошёлся по кабинету, разминая шею, руки. Во время одного из махов задел стоявшее на столе фото в рамке; резкий звон заставил невольно вздрогнуть. Увидев, что это всего лишь стекло (кстати, не разбилось), он подошёл к упавшему фото и поднял. Со снимка улыбалась вполне такая стандартная пухлощёкая красавишна. Подобные фото вечно ставят дизайнеры в декорации в учебалках. Милые вещицы призваны оживить обстановку, создать иллюзию погружения. Ты надеваешь специальные очки, оказываешься в замкнутом помещении, а далее тебе нужно понять, в чём состоит миссия, и пройти её – по типу старых компьютерных игр.

Всё это мелькнуло в его голове на долю секунды. Затем он буднично поставил рамку без стекла на стол и продолжил прохаживаться взад-вперёд – всё нетерпеливее и нетерпеливее.

Затем он в последний раз оглянулся на небо за окном и решительно зашагал по коридору, лишённому света.

Когда он вошёл в актовый зал, где были собраны выжившие, зал вздрогнул и затаился в ужасе.

Он прошёл половину расстеленной от входа к сцене красной дорожки и остановился. Странно. Несмотря на всю свою здешнюю глупость, люди должны были наброситься на него, схватить, ведь он один и враг, а их – много; но они, как за-

битые программы, жались к стенам и не смотрели в глаза. Может быть, их устраивает его сила?

За спиной раздался топот. Обернувшись, он понял, что это Тарри или как его – мчался во весь дух к нему, только халат нелепо вертел крыльями. Не приближаясь более, чем на семь шагов, парнишка бухнулся на колени.

– Бригада мгновенной не приедет. Я всё продумал, да, продумал! Я использовал пароль Ипполита для связи и удостоверил их, что умирающим оказывается самая квалифицированная помощь. Это было трудно, но я сделал это. Они не приедут. Не отомстят. Теперь вы точно не убьёте? Меня...

Он невольно рассмеялся – чисто и весело, показывая миру мелкие белые зубы.

– Когда это у Мэриона погибали пострадавшие и невинные?

Да вот только что, процедил внутренний голос. Прочудил – и сгинул под напором уверенности: это так, лес рубят – щепки летят.

Он обвёл горделивым взглядом выживших; те – кто в замешательстве последовал примеру Тири, кто остался стоять, кто вжимался в стену и прятался под стулья.

– Ну, – произнёс он, – я навёл здесь порядок. Не бойтесь меня, ведь я принёс вам мир и справедливость. А ты, Тирик, теперь будешь тут за главного. – вошедши во вкус, он потрепал парнишку по волосам, и тот жалко улыбнулся. – И не балуй! Будь строг, но справедлив, не позволяй обижать

себя и твоих людей. («А также дай мне здесь жить в покое, корми и пои, как героя-освободителя до конца дней моих» – съехидничал внутренний голос.) Слышали? – крикнул он, заглушая неприятные слова. Увидел знакомое лицо: кажется, когда-то оно ходило в кружок – и дружелюбно помахал ему; лицо заплакало и исчезло.

Тарри поднял глаза:

– Мэрион! – он невольно вздрогнул. Тарри сглотнул и продолжил: – Вы кровавая легенда, пришедшая из ниоткуда. Нет, то есть, из мира, который у нас давно забыт. И не кровавая, а справедливая. То есть, из лучшего мира, конечно! – встал поспешно, и человеку на красной дорожке вновь захотелось рассмеяться. – Но у нас совсем другие порядки. У меня только один пароль, Ипполита, а они должны чередоваться. Определённым образом. Я не знаю, как. Через некоторое время там поймут, что здесь происходит что-то. Они всё-таки прилетят. Хотя я, конечно, приложил все усилия, чтобы не прилетели! Тогда мы не сможем удержать больницу.

– Не сможем? – удивился он. В памяти воскресли откиннутая рука и пистолет с неснятым предохранителем.

– Да. Наша система несовершенна, она построена на подавлении индивидуального я! – взвизгнул паренёк. – Справедливая система вашего мира, то есть «кто действительно важнее и сильнее, тот и прав», здесь совсем не поддерживается, директора *они* назначают! Свободное самовыражение,

героическая самоотверженность и сила, которые в ходу у вас, у нас совсем не ценятся! Когда они обнаружат, что здесь происходит, они придут, чтобы снова установить свой порядок! – парень выкрикивал фразы всё громче и громче, пока не сорвался на кашель.

Он засмеялся.

– Когда они явятся? – покровительственно спросил.

– Примерно через три дня они пришлют беспилотник, – прошептал паренёк. – Через неделю прилетит лёт.

Сцена была по левую руку, в десяти шагах – но он вдруг почувствовал себя так, будто стоит на ней, и свет софитов бьёт в лицо, и множество взглядов устремлены прямо на него. Это было странно; в последний раз он стоял на сцене, будучи подростком.

– Тогда пусть приходят. – подбородок поднялся сам, без участия мысли. Парнишка уставился круглыми глазами и захрипел:

– Но один вы не справитесь...

– Сэр, – не удержавшись, поправил он. Тут же всё тот же мерзенький голос начал роптать, но он заглушил назойливого: что ты мелешь, как с ними можно иначе! Прекрасный утопиец – а ползает, пресмыкается, жмётся по углам, рыдает! Слабый, слабый человек! А слабый должен во всё уважать сильного.

Его.

– Сэр! – с готовностью согласился этот Ринати и вновь

бухнулся лбом в пол. – Научите нас... сделайте нас быть такими, как вы! Свободным!

– Сэр.

– Сэр!

Он оглянулся.

– Что-то я не вижу желающих, кроме тебя.

– Они есть, только боятся... сэр, – паренёк поднял голову, – но я соберу их и приведу вам, сэр.

– Наш человек! – воскликнул он. – Что ж, твои слова звучат правильно. Я научу, как постоять за себя. Притащи мне хороший материал, и мы отстоим твою больницу.

– Кто там? – спрашивает Ванесса.

– Я, – папин голос. Ванесса бросает дела и, вытирая руки на ходу полотенцем, бежит к нему и бросается обнимать. Папа – высокий, худой, в строгом костюме, старается выглядеть официально и серьёзно, но складки у рта и морщинки у глаз выдают в нём человека добродушного. Он подхватывает Ванессу и кружит.

– А что ты так рано? – спрашивает Ванесса, когда радость отступает на второй план, а папа вновь ставит её на землю.

– У меня потрясающие новости, которыми я просто не могу не поделиться со своей любимой семьёй, – говорит он. – Каролина! Иди сюда! Прервите всё!

Но мама не слышит, и папа, не разуваясь, проходит и стучит в дверь. Растерянная Ванесса бежит следом, а послед-

ним, жужжа, несётся робот-уборщик и втягивает пыль, напавшую на пол с ботинок.

– Каролина! – кричит он. – Потрясающее известие! Я хотел бы рассказать это всем!

Дверь открывается. Мама выглядит немного сердитой.

– Здравствуй, – говорит она, – но если это не значимая новость...

– Найдена Душа Нашей Земли!

Мама тут же замолкает. Её брови взлетают и теряются под чёлкой.

– Здорово! – кричит маленькая ученица из комнаты. – А что это такое?

– Душа Земли – это такой человек, который когда-то вытянул нашу страну из первобытного состояния войн и зла, – говорит Ванесса. – Учёные не могут этого объяснить, но он был связан с душой нашей страны и его волей... нет, – поправляется она под взглядом папы, – он и есть душа страны и её воля. Как «государство – это я», только по-настоящему. И именно она установила и направляет наш порядок, при котором мы развиваемся и процветаем.

– Да, – подтверждает папа. – Всё правильно, Ванесса. Но вам в школе не говорят, – он заговорщицки понижает голос, – что Душа Земли когда-то была создана людьми. Человечество всегда любило покопаться в себе, и нашлась такая таинственная вещь, как коллективное бессознательное, понимаете, да? А ещё человечество было задавлено страш-

ными войнами и хотело выжить, либо хотя бы что-то оставить после себя, хотелось бы заметить. Учёные проводили эксперименты – и сделали так, что часть коллективного бессознательного, собрав знания и мораль, стала человеком. Впрочем, это точно не известно: обращаю ваше внимание, что древние войны уничтожили всё, что могло бы относиться к поискам или разработке того, что называют Душой. Но человек смертен, а бессознательное – нет; и оно стало перерождаться в людей. Душа рождается, стареет, умирает и перерождается; так и существует, скажу я вам, и направляет наше государство.

– Давид, ты наговорил лишнего. Им ещё не стоило знать... – протестует мама, но отец взмахом руки останавливает её.

– Стоит! Это – тот случай, когда жизнь делает исключения!

– Смотри, ответственность на тебе, как на философе, – мама вздёргивает курносый нос.

– У меня все полномочия, не беспокойся. Так вот, девчонки. Душа Земли перерождается, и так всегда остаётся с нами, помогая Главе руководить Землёй. Но вот уже несколько десятков лет её было не найти. Не рождалось человека, который стал бы ею, представьте себе. И вот – Душа наконец найдена.

– И даже известно, кто это? – мама старается говорить иронично, нарочито зевает, опирается на косяк с выраже-

нием крайней скуки на лице, но маленькие хитрые приёмы не могут скрыть волнения в её голосе. Она плотнее запахивается в шаль.

– Да! – говорит отец с жаром. – Но хочу отметить: ещё рано говорить о том, кто Душа – она не перестала быть куколкой...

– Скажи, – вдруг говорит мама, склонив голову к плечу. И отец, который только что клубил мрак тайны вокруг загадки, мгновенно сдаётся – так ему хочется поделиться дозволенной новостью:

– Хорошо! Но только вам.

Мама переступает порог комнаты и плотно закрывает за собой дверь, чтобы ученица ничего не услышала. Ванеса слышит обиженный писк и чуточку злорадствует. Самую чуточку.

– Итак, – говорит отец тихо и торжественно, – Душа Земли – это...

И звучит громкий, противный сигнал, заставляя отца замолчать. В метре над полом возникает голографическая надпись: «Внимание! Срочное сообщение!».

Тири притащил письмо, где упоминались эксперименты по перемещению материи в другой мир. Сказал, что это обсуждали покойный док и тот, который сейчас в пленении, усатый. Эндрю. Он прочёл и внутренне содрогнулся.

Спросил:

– Что, эксперименты продолжаются?

– Да, сэр, – голос Нарика звучал неуверенно, но ему этого хватило. Достаточно предположения: о таких разработках на каждом углу не кричат.

Сэр М, например, даже звуком лишним не упоминал. Хоть как-то и обнаружили невнятно одетого лопуха-красавчика в его владениях... он, лично, и обнаружил однажды... но не думал, никак не думал, что это может быть...

Стоп. Но раз между мирами установилась связь и мы отправляем друг к другу послов – гостей может стать больше. Сначала рядовые – затем много рядовых – а затем и власть держащие.

Не так ли?

Люди, которые контролируют все стороны вашей жизни и имеют доступ в ваши дома, не могут не воспользоваться этим. Он это знал.

Поэтому лучше он, чем кто-либо дурной.

Так посчитал он и с интересом подглядел сны всех по очереди – правда, больше раза не позволил мерзкий внутренний голос. Но вышло забавно и наводило на интересные мысли: оказалось, что аппарат вполне себе считывает и состояние между сном и явью. Смутные мечты, фантазии... применения этому пока не было, но он не сомневался – пригодится. И всё бы хорошо, но тётка, которая, кажется, когда-то защищала его перед доком (или другая?), теперь вос-

противилась – чуть не до драки. Она так часто порывалась куда-то звонить, хваталась за различные предметы и кричала, что стала опасной, пришлось пристрелить. А жаль – хорошая была тётка.

Он по-прежнему рассказывал больным свои истории. Странно, но это его успокаивало – а заодно, кажется, и их. Тирик притащил ещё семерых добровольцев – и вот они вместе пригоняли людей (барашков по пятьдесят), чтобы слушали.

Через несколько дней, кажется, пациенты и захваченные доктора решили, что это было какое-то представление. Успокоились – стали приветливыми и ожидающими, что его, привыкшего находить везде подвох, настораживало. Каких ещё технологий придумала эта цивилизация, чтобы следить за бедными людьми?

Или они настолько отвыкли думать своей головой, что это нормально?!

Ещё и Нарик, вдобавок ко всему, входил во вкус – быстрее, чем остальные, и как-то ожесточённое. Он повздорил с одним из пришедших семи добровольцев, и прежде, чем кто-либо понял, что замышляет внешне безобидный докторишка, Мари пристрелил обидчика. Первым из всех – убил, и кого, и как? Он долго ругал парнишку за расход и так крошечного личного состава, да таким подлым образом. «Так можно обращаться с врагами, с предателями. Со своими нельзя» – втолковывал он, сдабривая наставления бранью.

И Рарик соглашался со всем – что туп, несдержан, сволочь, собака и в директора, то есть Главы больницы, совершенно не годится. В конце концов он отослал парня прочь, мысленно решив приглядеть за ним.

А после само собой к юному доку пристала шутливая кличка – Смерть. Парнишка носил её очень серьёзно и частенько появлялся в коридорах, показушно поигрывая пистолетом. «Дурак» – думал он, но не одёргивал. Пусть его – авось перебесится да за ум возьмётся.

Да и кличка полегче имени будет.

В скором времени стоило ждать гостей. Поэтому они строили планы по обороне больницы – впрочем, утопические, как и мир вокруг. Ему иногда становилось смешно и весело, весело, как может быть только приговорённому к казни. А они, кажется, верили всерьёз. Кажется, они совершенно не умели сомневаться в словах тех, кого считали главными.

Но, наконец, думающий своей головой нашёлся.

– Все эти планы невыполнимы, – рявкнул парень по кличке Механик, и он невольно затаил дыхание. – Не можем мы без оружия защищать наш форпост!

И они обратили взгляды на него.

Что ж, это была правда. Одного душа-оружия и одного старого бластера с шестью зарядами явно не хватало. Всемером даже с пятьюдесятью ещё можно справиться при должном рвении, раз люди здесь такие лохи; но не с трубами же наперевес на них, технологичных, кидаться?

Тогда он поручил тому самому Механику перепрограммировать больничных роботов. Невысокий жилистый доброволец посмотрел на него исподлобья.

– Это не мой профиль, – возразил.

– В вашем замечательном мире люди, отвечающие за технику, не знают, как она программируется? У нас все это знают.

Соврал. Лично он не соображал в программах ничего, даже иногда не мог разобраться, как пользоваться одной или другой. Тыкал в кнопки, как слепец, что находил – тем и пользовался. А лучше – голосовые команды. Так надёжнее, но, как ни жаль, в последнее время в его мире становилось всё меньше программ, поддерживающих эту функцию. Кто-то умный, до того, как его пристукнули, объяснял это деградацией экономики.

– И мы знаем, – уклончиво сказал Механик. – Основы. Но этого не достаточно для того, чтобы сломать основные законы роботов и заставить их полностью слушать вас.

– Ничего. Ты в технике разбираешься – справишься. У тебя есть время. Недели хватит?

Механик взорвался. Подскочил, грохнул ладонями об стол:

– Да как я это сделаю? Этому годами учат! Это сложная конструкция, это медицинский робот!

– Медицина от него больше не требуется. Научи убивать. Это проще. И разговор закончен, – ответил он. И подмигнул

напрягшемуся Тиру.

Механик лязгнул челюстями и заткнулся. Глаза изучающе остановились на его лице – и ушли вниз.

– Если всё понятно, то вперёд, – приказал он.

Механик деревянно прошагал до дверей. Споткнулся о порог. Железная дверь с царапиной снаружи – будто когда-то, в далёкие, уснувшие вечным сном времена...

Обернулся.

– В твоём прекрасном мире, Моррисон, со всеми так обращаются? Не слушают никаких возражений специалистов, отправляют, куда велено? Ты же говорил, что ты – за людей?..

– Вопросы здесь задаю я. Верно, временно исполняющий обязанности Главы Больницы? – Тирин дёрнулся и судорожно кивнул. Эх, какая победа с такими? И повеселиться перед смертью, и то не дадут... – Моё терпение заканчивается, – заметил он всё ещё стоявшему в дверях Механику, и тот наконец сгинул.

Удостоверившись по экрану, что доброволец действительно ушёл в помещение, куда были сгружены безжизненные роботы, он подозвал Смерть.

– В программировании разбираешься? – спросил он бывшего дока.

Смерть пожал плечами:

– Я врач, сэр. Программирование освоил только на школьном уровне.

– Тогда доставай свой пистоль и следы, чтобы даже на школьном уровне было понятно, что роботы переделаны, – приказал он. – Мне нужны роботы, которые будут меня слушаться, а не тряпки с гравитацией. Понятно?

– Да, сэр, – с истеричной весёлостью откликнулся Тирари. Широко усмехнулся – огромный рот обнажил зубы, сделав лицо парнишки похожим на голый череп. Он сурово глянул на Рари:

– Иди... хотя нет, стой. Не обязательно стоять над душой. Зайдёшь к нему потом. Сейчас поможешь мне.

Глазки Тирипари широко раскрылись, заблестели. Пальцы же, наоборот – скрючились ещё сильнее.

Ничего, привыкнет.

Он объявил пяти, что устранит проблему с оружием. Они же пока должны ухаживать за больными и доками: скоро время обеда. Проживателей было слишком много, а запасов – не очень, поэтому он распорядился кормить их раз в день. (В отличие от добровольцев и его самого) Зато – и мясо вам, и рыба, и свежие овощи-фрукты, как пожелаете. Богато! Сэр М на такое никогда не пошёл бы, потому и так богат. Что ж, будем расточительными, но добрыми!

Он повёл Смерть по коридорам к комнатам больных.

– Смотри внимательно, – сказал, – будешь потом учить остальных. Понял?

Он и Фарик были вежливы и улыбались; им улыбались в ответ – радушно, словно до сих пор не веря, что они мо-

гут причинить вред. Только иногда проскальзывало... проскальзывало...

– Учись, – повторил он Нарю, во второй палате найдя подходящего человека. Тот, несмотря ни на что, лучился здоровьем и спокойствием. Душевных сил у него много – значит, оружие получится хорошее.

Вывели мужчину в коридор. Там он надел белые медицинские перчатки – мало ли, на что наткнёшься в душе, – и, пробормотав слова, настраивавшие на нужный лад, запустил руку по локоть в грудь мужику.

Тирик стоял бледный, трясся, как под напряжением. Он ухмыльнулся ему – вот идиот, самого простого боится!

Белые губы парнишки выдавили:

– Это... невозможно... ненаучно!..

Он пожал плечами – да обычное дело для его мира! – и вытащил наружу бандуру с огромным дулом. Лучевик, видимо. Не самый лучший – тяжеловат, громоздкий. Тут же проверил, выстрелив в картину с изображением дешёвенького заката в противоположном конце коридора. Да, заряда мало, дальность не ахти. Но для начала – очень и очень неплохо.

Мужик крикнул и остался стоять. Лицо сохранило остатки доброжелательной улыбки и испуга; всегда так – лица у них становятся ненастоящими. Масковыми. Что ж, забрал не чересчур много; есть и спать по расписанию мужик сможет и дальше.

– Иди в палату, – приказал он больному, оглядывая луче-

вик. Затем его взгляд соскользнул к карману, туда, где лежало его душа-оружие. *Оттуда.* – Существовай. Понадобишься – позову.

Мужчина ушёл, послушный тому, кто владел его душой.

Смерть так и не решился последовать примеру кумира. Только твердил без конца, что это ненаучно, противоречит всем законам мира, ну хоть ты тресни. Он резко ответил, что в его мире это норма, а не нарушение; на том разговор был оборван.

Обработали ещё пятнадцать человек и на этом закончили.

– Оружие мы достали, сэр, – отчеканил Тирик. Глаз его подёргивался. – Чем будем заряжать?

Он посмотрел на парнишку. Идиот? Точно идиот. О чём и сообщил молодому доку, объяснив: «Это душа-оружие.» Когда и после этого тот не догнал, объяснил:

– Оно берёт силы от энергетических ресурсов того, кому душа принадлежит, а когда он умрёт – от стреляющего. Своих сил нам тратить не надо, поэтому больных кормим и развлекаем, не жалея сил.

Ринарик не слушал. Он глядел на свои руки, будто те – по локоть в крови: с ужасом и отвращением. Небось корил себя за соучастие в преступлении против законов физики, дурак...

Ванесса стоит у автобуса. Здесь же находятся двадцать девять человек тех, кто младше восемнадцати: поступило

распоряжение собрать окрестных ребят в безопасном месте. «Аварийная ситуация» – а что, чего, как – не объяснили. Как и на всех остальных учениях, ставших традицией за долгие годы – хотя, конечно, взрослым о них объявляют заранее...

Ванесса весело болтает с соседом – тем, что всегда помогает своему папе на поле, и девочкой, живущей совсем близко к Дому, чья мама работает там Заведующей Порядком, и с которой они некоторое время учились в одном классе. Родители стоят отдельной группкой – так положено. Все возможные прощания уже состоялись: считай, дети уже уехали. Сопроводитель раздаёт последние инструкции родителям, принимает пожелания и просьбы. Никому не хочется, чтобы через месяц ребёнок приехал, весь обсыпанный аллергией, потому что ему давали пшёнку, которую ему нельзя! Медкарты есть, да, но лучше сказать, и раза три, чтобы зритель точно запомнил!

Ванесса разговаривает с друзьями, а сама невольно высматривает маму и папу среди толпы. Папа тогда так и не сказал, где нашли Душу Земли, а жалко – девушке бы так хотелось поболтать с ней! Уж у кого, как не у Души, мудрой, правильной, прекрасной, стоило бы поучиться!

Но, может быть, потом, когда Ванесса вернётся домой, папа всё расскажет. Если ещё не передумал, конечно. Иногда вроде начнёт что-то повествовать, а потом как замолчит!..

Ник, сосед, каламбурит что-то на тему новой серии Бесконечного фильма про учёных, Ленка смеётся. Нравится ей

Ник – статный, ответственный молодой человек, как она украдкой шепчет подруге. А Ванесса знает, что он не всегда ответственный, и в носу любит ковыряться, когда думает, что никто его не видит, и самое ужасное – потом руку о штаны вытирает. Фу! Но влюблённой она об этом не говорит, чтобы не обижать её чувства.

Теперь шутит Ленка, и они смеются. Потом Ванесса видит, как и мама с кем-то разговаривает – красивая, в летнем оранжевом платье, улыбается, но улыбка больше похожа на слепок, а кисть правой руки лежит на левом плече, судорожно сжав его.

Несколько секунд Ванесса борется с собой. С одной стороны – порядок велит оставаться на месте; но с другой – инструкции озвучены, а от того, что одна девушка ненадолго присоединится к взрослым, никто не пострадает.

Извинившись, Ванесса мчится к толпе родителей. Потеряв маму из виду, порхает среди людей. На неё не обращают внимания. Затем мельком она видит папу, – тот стоит в самой толчее – и пробирается к нему.

– А вот и Ванесса, – папа по-доброму улыбается, кивая молодой женщине в ярко-оранжевом костюме сопровождающей на появившуюся дочку. Женщина оборачивается и, чуть раскинув руки, будто для равновесия, широко раскрыв серые глаза и сведя брови к переносице, смотрит на девушку. У неё овальное лицо, светло-рыжие волосы до пояса и много веснушек. Веснушки нынче в моде – Ванесса сама хотела

сходить в салон, чтобы ей их нарисовали, но мама не разрешает.

Ванесса немного смущается. Ей поведение сопровождающей кажется недоброжелательным. Но совсем недолго: женщина уже протягивает ей руку:

– Инга. Почту... за большую радость.

Ванесса пожимает протянутую ладонь, и снова становится весело.

– Не беспокойся, – говорит Инга. – Уже через месяц будешь дома.

– А я и не боюсь, – Ванесса закладывает руки за спину и перекачивается с пятки на носок. Выглядит это по-детски, особенно с её пышным чёрно-золотым платьем.

– Вот и молодец, – Инга улыбается кончиками рта и оборачивается к отцу: – Так о чём вы?..

– Я хотел бы узнать уровень психологического сопровождения. Что вы заканчивали? Нет, хотел бы я попросить прощения, из какого вы сословия?..

На плечо Ванессы ложится рука. Девушка оборачивается – там стоит грозная мама.

– А что это ты тут делаешь? – язвительно спрашивает она. Правая её кисть по-прежнему держит левое предплечье, как будто его пронзает нудная боль.

Он отряхнул руки – белые перчатки, целые, сияющие, даже не запачканные, напоминали о недавней... потасовке?

Как это потрясающее зрелище назвать?

Эти люди не ожидали, что у них будет оружие. Они вообще ничего не ожидали: кажется, о том, что ситуация серьёзная, они догадались только на третий прилёт. Сначала прислали беспилотник; затем – парочку людей. Этих быстро оглушили – и к остальным, обошлось без крови. Он даже удивился, насколько слаженно действовали парни. Он лишь покрикивал, давал распоряжения Смерти, а в остальном... Могут, когда хотят!

В третий раз прислали целых три летающих аппарата и, не высаживаясь, выпустили какой-то газ. По дурости один из парней в это время был на краю крыши; так и свалился. Остальные по его команде надели мокрые марлевые повязки. Чем мокрые... будешь брезговать – будешь под камнем лежать, как говорил дед.

С помощью роботов спустили на крышу аппараты. Два захвачено. Если можно обойтись меньшей кровью, значит, – не можно, а нужно. Не сжигать же их глупо ради жажды разрушения! Не звери же. И люди там внутри. Вот и настиг воинственно настроенных парней строгий окрик командира. И не зря: после недолгой беседы, включавшей дозу лжи, двое испуганных утопийцев согласились примкнуть. Это было так просто, что ему самому не верилось.

Битва кончилась; парни собрались в кучку на крыше у летающих аппаратов и, приплясывая, кричали:

– Свобода Попугаям! – это он их научил, мол, Попугаи –

это такой знаменитый воинов клан в его мире. Ха-ха. А они и рады стараться, дураки.

Смерть так воодушевился, что даже кинулся вприсядку и тут же заохал: последняя травма перекрючила его на левую сторону. Усатый медик, живший теперь с больными, ему помог, но слишком поздно. «Дорогуше бы в специальную клинику», сказал. «Наша техника для подобного лечения слишком слаба. Мы занимаемся не телами, а психикой». И смотрел так на Смертя – со значением.

Глядя на корчившегося Нарика, он невольно рассмеялся. Потрясающее зрелище, потрясающее.

Возможно, он сказал это вслух. Во всяком случае, вдруг парни остановились. То, как при этом их пальцы сжимали нового друга – оружие – ему не понравилось.

– Сэр, – взял слово Смерть, делая ещё одну попытку выпрямиться. Отчего-то было смешно – и в то же время больно видеть, как этот прекрасный в прошлом утопиец пытается быть прежним, тем молодым ангелом, каким помнился, но нет. – Мы боимся, что ты сильно устаёшь с нами, непутёвыми. Наказы нам давать, учить... вот, даже перчатки белые надел. – Смерть указал подбородком на его кисти рук. Он поднял брови вверх, но промолчал: интересно. – Так не пора тебе на покой? Спасибо, учитель, за твои старания. Мы поняли твою жизнь и законы твоего мира. Нам достаточно, дальше мы сами. Ты с чистой совестью можешь стать одним из пациентов больницы, как хотел. **Я** же теперь Глава Боль-

ницы, так?

Трое встали за спиной Смерти, почему-то опасливо прижимая дула к себе. Вот идиоты-утопленники. Впрочем, один был не идиот: Механик держал в руках пульт управления роботами и скалился.

Он оглядел лица – перескакивая с одного на другое, как взгляд скользит по мишеням. Стянул левую перчатку. Правую. Сунул их в карман пальто. Спросил:

– Вы действительно полагаете, что вы стали такими, как я? Вы? Вы считаете, вы поняли законы моего мира?

Конечно, Механик начал набирать на пульте комбинацию – роботы находились вне слышимости и голосовую команду не разобрали бы. Но делал он это медленно, как...

Шаг. Шаг.

Он выбил пульт из рук Механика – вверх. Искры обожгли ближайшего труса-добровольца, и тот, вскрикнув и схватившись за лоб, отшатнулся, сминая остальных.

Он ударил. В пах. В голову.

Механик упал.

Парни держались друг за друга и, затаив дыхание, глядели с ужасом на поверженного героя. Смерть, за плечо которого схватился один из доходяг, лязгнул зубами и скрючился на пострадавший бок.

– Ещё желающие отправить меня на покой есть, потрясающие мои всезнайки? – спросил он.

Желающих не было. Он повернулся к Смерти:

– Пока я здесь, ты директор своей шараги. Не больше и не меньше. Понял? Теперь твоё существование, мальчишка, в моих руках. Не в руках твоей обожаемой утопии. Вы слабее, чем дети. Вы сможете отразить их только со мной. И отдыха мне не видать, что бы ты себе ни вообразил своей потрясающей фантазией. Пока я руковожу вами – ты здесь. Запомнил?

– Да, сэр. Запомнил.

– Что скажешь? – он пнул носком ботинка тело.

– Я... неправильно понял его, сэр. Мне он говорил другое, сэр.

Улыбка коснулась уголков губ – и замерла, обнажая мелкие белые зубы.

Смерть впредь предпочитал не вспоминать об этом эпизоде. Его били, методично, размеренно, как-то буднично. На глазах у всех. Приговаривая:

– Не смей врать мне.

Сначала Смерть пытался оправдываться – он не врал, как он мог! Он не знал, что и соврать-то можно! – но останавливался каждый раз, когда прерывалось дыхание. В конце концов бросил попытки, и лежал, свернувшись в клубок, а когда удары прекратились, прохрипел то, что хотел сказать.

– То есть ты не желал мне зла, а допустил по недомыслию? – ласково спросил голос сверху. Тиринари обрадовались: наконец-то привычный жителю Земли диалог, когда один

слушает другого! А то, что было минуту назад – ошибка, всего лишь ошибка, о нём просто подумали плохо...

Он закивал и продолжил свою мысль, прямо с земли, не дожидаясь, когда ему подадут руку, чтобы встать; поток речи прервался ударом под дых.

– За наивность, – сказал возвышавшийся над Смертью сэр.

И бил ещё.

– А вам – понятно? – спросил он, когда решил, что с Тирика достаточно, и отвернулся от корчившегося на земле директора больницы. Добровольцы испуганно закивали. – Что встали? А ну марш отсюда, чтоб духу вашего, – рявкнул он. Придурки поджали хвосты и стволы и, так и не догадавшись применить последние (чего он втайне боялся), гуськом двинулись к зданию. – Эй, встать ему помогите, придурки!

Помогли. Похромали в ногу. У самого входа Смерть отцепился и побрёл сам.

– Идиоты... – невольно вырвалось у него, когда он увидел, как один из парней пытается помочь Смерти спуститься, но тот лишь отталкивает и, презрительно скривив широкий рот, говорит какую-то отповедь. – Всему учить надо...

Затем обернулся к бесчувственному Механику. Тот так и лежал на спине звездочкой, не открывая глаз. Он проверил пульс. Живее всех живых, подлец. Чего хотел? Прибрать реальную власть к рукам? Совершить переворот и вер-

нуть прежнюю администрацию? Почему не подговорил, чтобы набросились разом, не пытался зарезать тайком ночью?

Шут их знает, правильных...

...Душу никогда не забираешь полностью. Если, конечно, не хочешь получить овощ или (а чаще – и) труп. Специалист может определить, какую часть души вырвать, чтобы человек, например, что-то забыл, изменил свой характер, наконец, просто стал верным и послушным. Мог бы придать получившейся вещи не случайный, а вполне определённый облик.

Покой! – вспомнилось ему. Как ему мечталось о покое! А как? Как можно оставаться в покое, если вокруг эти рохлики, которые только и ждут, чтобы ты их построил?..

...Когда Механик открыл глаза, – мутные, покрасневшие, – он сунул ему под нос ключ. Механик негнушимися пальцами попытался поймать железяку.

Э, нет. Он отвёл ключ в сторону, и пальцы сомкнулись на пустом месте. И как четвертованные ощущают, какой предмет часть их самих?

– Вставай, – сказал он. – Ты в моих руках. Ослушаешься – оторву у твоей души ещё клочок. Понятно?

– Да мне плевать, – Механик пытался подняться, опирался на локти, сплюнул кровью. – Я за землю... за справедливость... убей!

– Справедливость? Чтобы никто не ушёл обиженным? – ему стало весело. Поиграл ключом, то вновь сунул его под нос

немощному, то отбирая. – А у каждого своя справедливость, знаешь. Вот у тебя справедливость – это чтобы меня непременно наказали. А мне кажется вполне справедливым, если... скажем... я стану за свои страдания в том мире властителем вашей Земли. Да. Да вы вообще не представляете, что вас ждёт... вот я сюда случайно попал, а сэры, быть может, готовятся... например, захватить! Я, может, спаситель ваш! Вот и будет справедливо, если я Землю заберу под свою опеку.

Механик застонал.

Механик снова сплюнул кровью.

Тонкая красная нить протянулась от угла рта наискось.

Он запустил руку ему в душу – с зажатым ключом – и вырвал ещё клочок.

Ключ из железного стал серебряным, в виде, кажется, дерева. Воздушным – узор из переплетённых корней делал ключ лёгким и изящным.

Превосходно.

Механик тяжело дышал, закрыв глаза.

– Слышишь меня?

Медленно кивнул.

– Тогда служи мне, – сказал он. – Авось за хорошую службу верну тебе душу... и убью быстро. Чтобы не позорил свою ненаглядную землю. Я знаю, что такое честь и убеждения. Понял?

Кивнул. Значит, в этот раз – нужный клочок.

На миг по лицу пробежала злая тень – такие рисовали на древних картинах, где кто-нибудь кому-нибудь вечно мстил. Оскаленные зубы, переносица гармошкой, брови сдвинуты.

А ведь у этих утопийцев даже такое лицо было прекрасным. Как? Как?!

Впрочем, это уже ничего не значило. Мелькнула забавная мысль: они – такие прекрасные и идеальные, а он – родом из мира, где копоть вечных войн закрыла небо. Он – урод по сравнению с утопийцами. Так почему бы не дать тем, кто вопреки природе останется рядом, прозвища? И тем принизить их, сделать равными, нет – подчинёнными, скажем...

– Нарекаю тебя Гнев, – произнёс он и подал руку, чтобы помочь подняться.

Смеркалось. Темнота на дом родителей Ванессы продвигалась вкрадчиво, перебежками, незаметно – только что было светло и вот уже сгущаются сумерки. Каролина, словно думая, что ещё день, бродила по дому, не включая света.

Щёлкнула входная дверь – это вернулся Давид.

Он, наоборот, включил все лампы, что были в доме, ослепив жену на миг. Впрочем, винить его было нельзя – не знал, что Каролина здесь. Просто ему было уютнее, когда он что-то делал, а не ждал.

Сразу сел за стол на кухне читать газету. Для человека, считавшего, что кухня – для еды, а для чтения есть кабинет,

и часто напоминавшего о том же домашним, это было, как он сам говаривал, «эксцессом».

Призраком в голубом халате в дверном проёме появилась Каролина.

– Есть хочешь?

Отец семейства покачал головой, не отрывая взгляда от букв.

– Вечно ошибаются, – сказал он. – Сейчас больше, чем когда-либо. Восемь опечаток, три пунктуационные ошибки, одна орфографическая на двух третях страницы. Позор!

– Я думала, это вы выпускаете газеты. Отец, сколько себя помню, всегда на вас жалуется.

– Мы решаем и спускаем решения для того, чтобы их довели до сведения. Но хотелось бы уточнить: органы газет всегда что-то путают. Это почти традиция, как и сами газеты как орган государственного информирования.

Каролина забралась с ногами в кресло. Посмотрела в темнеющую за окном картину. Сняла со спинки плед и зябко закуталась в него.

– Не могу на работе, – произнесла она. – Мы все не можем. Скучно без детей. Без них остаются только отчёты. И сидишь, смотришь на бумаги, бумаги смотрят на тебя... а и заполнять-то их нечем.

– Не драматизируй, – муж задумчиво подпёр голову рукой. Его волос мягко, на излёте, коснулась седина. Каролина только сейчас это заметила и, застигнутая совестью врас-

плох, пошла в контратаку.

– Что происходит, Давид? – Каролина резко нагнулась над столом, так что лбы её и мужа соприкоснулись. – Скажи. Вы, философы, больше знаете, чем мы.

– Ничего фатального, – ответил он, улыбнувшись и легонько ткнув её лоб своим. Увидев обиженные глаза жены, поцеловал и, посерьёзнев, добавил: – Ничего фатального для истории. Всё будет так, как должно быть.

Мама Ванессы, привыкшая к иносказаниям мужа, оцепенела. Минуту ноздри её невольно раздувались, втягивая воздух; впрочем, Давид этого не замечал, вновь углубившийся в газету.

А Каролине хотелось кричать и требовать, чтобы Ванессу вернули под её опеку. Пусть муж сейчас, прямо сейчас пойдёт и издаст приказ о том, чтобы детей вернули домой!

Не стала. Ни мучить мужа, – всё равно он один сделать ничего не мог, – ни терять лицо сама. Только твёрдо произнесла:

– Тогда надо что-то с этим делать.

– Мы делаем, – спокойно отвечал Давид, не отрывая глаз от страницы. Не выдержал, достал из кармана ручку и начал что-то исправлять, – всё, что в наших силах. Мы отсматриваем старые хроники, инспектируем древнюю военную технику. Но, кажется, за прошедшие годы мы разучились... держать ухо востро, так это говорится? Мы не можем понять самой сути такого столкновения. Мы беспомощны, Кароли-

на. Даже лучшие из нас беспомощны. Что ж, – он снова обратился к газете, – кричать и убиваться я буду потом, если будут большие потери.

Когда Гнев ушёл, он стоял ещё на крыше, глядя вниз. Ему самому сложно было сказать, о чём он думал тогда, глядя на свою тень, неровно ложившуюся на камешки площадки. Но он совершенно точно был удивлён, когда на неё бесшумно начал спускаться очередной лёт. Судя по цвету машины и красному кресту – медицинский.

В его мире такого не бывало, чтобы медики бежали на поле боя без разрешения на то победителя.

Любопытно.

Из громкоговорителя забубнил голос:

– Несанкционированное нарушение периметра.

Смерть влетел (так ему казалось, на самом деле – прохромал) в комнату надзора. За камерами сидели двое; один, который сейчас говорил в микрофон, при виде Смерти торопливо затолкал остатки бутерброда в выдвижной ящик.

– Ш-ш-што это такое? – подёргивая глазом, зашипел Смерть. Недавно провинившийся, он одновременно хотел и выслужиться перед сэром, и отыгаться на подчинённых. – Я говорил: никакой еды в кабинете отсмотра за помещениями! Ш-ш-то? И проникновение за территорию? Где вы были, дегенераты?

Он сжал костистый кулак и замахнулся было, чтобы ударить сидевшего поблизости, когда тот робко ткнул жирным после еды пальцем в казённый экран:

– Мгновенная.

Смерть оцепенел. Грудь его вздымалась, не в силах вытолкнуть воздух обратно из лёгких. Подчинённый, сбитый с толку этой реакцией, торопливо продолжил, не убирая палец от экрана:

– Сэр сам разбирается. Видишь?

Смерть, скрипнув зубами, расправил кулак в ладонь и ударил парня по руке. Затем, отодвинув плечом, вцепился взглядом в изображение.

Медицинский фургон стоял на задней площадке. Рядом один человек, невысокий, тащил под мышки другого – в нём Смерть узнал упавшего с крыши товарища. «А ведь совсем о нём забыли» – мелькнула холодная и скользкая, как жаба, мысль.

Сэр направлялся прямо к спасающему и спасаемому. Развевались полы расстёгнутого пальто. Было холодно, несмотря на раннюю осень; но сэр, видимо, этого не чувствовал.

Смерть замер у экрана.

Тэму запеленговал сигнал, исходящий из больницы №112. Тэму был удивлён: он только что отправил всю группу на пересечение трасс 1616-б и 1617-а (авария 3-ей степени), и сигнал должен был быть автоматически переброшен

на другую медстанцию. А затем диспетчер вовсе был шокирован, когда понял, что это – та самая зона, которую с утра объявили зоной отчуждения. «Ни при каких обстоятельствах не посещать эту зону» – гласила инструкция; с другой стороны, их станция – единственная близкая к этой зоне. А там, судя по сигналам, идущим с датчика (какие вживлены в каждого рождённого на Земле), умирает человек, а жизнь человека – важнее всего.

Тэму грыз себя минут семь. Потом решил, что если быстро и тихонько слетает и заберёт беднягу, ничего страшного не случится. В конце концов, где был бы его сын, если бы коллега из другой станции не прилетел вовремя и не спас незадачливого купальщика?

Тэму дал прошение на спасение человека в отчуждённой зоне и, не дожидаясь ответного сигнала, заскочил в запасную машину. Выгнал роботов: лететь надо срочно, значит – уменьшить вес. С одним человеком он и один справится, даже если в лепёшку гравилётом скатали, – а Тэму видел такое не раз. Портативный восстановитель в руки – и вперёд, вырывать беднягу.

Главное – успеть в течение часа. Чем дольше длится смерть – тем ниже вероятность спасти.

Прилетел, не давая пеленгов: мало ли, почему запретили лететь в эту зону. Тихо спустился на площадку, откуда шёл сигнал – юркий медицинский лёт мог втиснуться почти где угодно. Парень лежал, неестественно вывернув руку; ка-

жется, упал с большой высоты, скорее всего (Тэму быстро огляделся) с крыши. Повезло – перелом закрытый; возможно, ушиб внутренних органов, перелом пары рёбер. С такой высоты – считай, ничего; более того, молодой человек спал, что Тэму снова несказанно удивило.

Отбросив вопрос о том, что произошло, Тэму начал грузить пострадавшего на носилки, когда к нему подошёл мужчина в тёплом пальто, сапогах и белых перчатках. Вид у него был главенствующий, и Тэму коротко осведомился:

– Административный человек?

Тот кивнул.

Тэму наскоро поклонился:

– Прошу прощения, что летел долго. Прилетел как смог. У вас карантинная зона, – он говорил это, а сам заканчивал перекладывать парня на носилки.

Административного человека эти слова развеселили. Он поджал губы, пытаясь не смеяться. Спросил заговорщицки:

– А ты знаешь, почему мы в карантине?

– Нет.

– Потому что мы убиваем людей, – понизив голос, сообщил мужчина. Тэму остановился на миг, испуганно взвизвав короткие брови, а затем, поняв, что главенствующий человек неудачно пошутил, повёл гравиносилки к фургону.

– Нашли время острить, – упрекнул он. Попытался открыть двери. Одна поддалась легко, другая застряла.

– А я не шучу, – мужчина решил помочь: налёг весом

на противившийся предмет, и дверь открылась. Тэму залез в фургон следом за носилками и начал привычно подключать системы жизнеобеспечения. – Мы убиваем плохих людей.

– Таких нет, административный человек, – усмехался Тэму. – А кто сбился с правильного пути Земли, то их не убивают, но исправляют. Зачем убивать человека, если можно подарить ему верное сознание?

– Вам не сказали, что здесь находится и почему здесь карантин? – мужчина прижал руку в перчатке к груди и страдальчески покачал головой. – Уверяю вас, власти вам не говорят очень многого о по-настоящему плохих людях.

Тэму выбрался из кузова и утёр пот со лба.

– О, – равнодушно произнёс, – я подумаю об этом. Вы сопроводите раненого? Расскажите, что здесь произошло...

Человек отказался и долго смотрел вслед улетающему фургону.

Удостоверившись, что машина покинула территорию, а сэр отправился под крышу, Смерть освободил надсмотрщиков от своего присутствия (и от еды – забрал и с наслаждением выкинул в ближайший утилизатор) и отправился в палату, где теперь жил Эндрю. Как ни странно, он заглядывал туда довольно часто: когда душу Тиринари ели непрошенные тоска и одиночество, когда её глодали сомнения.

Почему именно к Эндрю? Чувство вины? Ощущение страшной, непоправимой ошибки – местами, временами, ко-

гда жизнь героя поворачивалась к бывшему врачу отнюдь не лицом?

Даже если это было и так – не признался бы и себе.

Как обычно, тенью прошёл в палату и сел в углу – тихо-тихо. Эндрю вполголоса беседовал с соседом – его Тиринари помнил: раньше тот отвечал за инвентарь больницы. И как-то уютно было в тёплом помещении, где на тумбочке стоял горячий кофе – почти непостижимая вещь, учитывая, что все известные запасы напитка Мэрион забрал себе.

Против обыкновения, Эндрю не сделал вид, что Смерти нет. Он замолчал на полуслове и начал разглаживать усы. Сосед крякнул и вдруг, прихватив кружку, тяжело поднялся и двинулся к выходу.

Тишина.

– Что молчишь? – Эндрю повернул стул к Тиринари. Молодой врач снова почувствовал себя нерадивым мальчишкой, сделавшим что-то, неудобное системе. – Бледный, как смерть...

Смеялся? Знал, что Тиринари так называют?

– Здравствуй, – и прикусил язык. Прав Мэрион. Идиот Тиринари – как есть идиот. Зачем поздоровался? Теперь не отделаться, даже если выйти в коридор – пойдёт бывший наставник следом укоризненным призраком.

– Здравствую, – ответил Эндрю. – А ты?

– Вполне.

Эндрю окинул Тиринари взглядом с ног до головы, задер-

живаясь на каждом синяке, каждой царапине, на пострадавшем боку. Бывший практикант попытался выпрямиться – и надо же, сидя ему это удалось.

Эндрю и сам постарел за это время. Скулы и нос обозначились острее. Тиринари подумал, что, наверное, и ему самому кожа обтянула лицо.

А ещё Эндрю улыбался. Жалостливо так.

– Понял, что натворил?

– Что? – не понял Тиринари.

– Не стыдишься? – спросил. Точь-в-точь старик-отец спрашивает блудного сына. Смерти пришло в голову это сравнение – и он взъершился в ответ:

– Чего мне стыдиться?

– Оставь, – Эндрю его будто не слышал. – Оставь чужака.

Это путь к гибели. Ты уже погибаешь, посмотри.

– Это всего лишь раны, Эндрю. Для героев это нормально.

– Чтобы быть героем, не нужно драться в одиночку против всех и получать раны. Герой – это человек чести и долга...

– А и герой, – пальцы Смерти впиваются в спинку стула. – По-своему. Как умею. Как показали. Он – мощь! Он интересен! Он личность! Он – один против тысячи! А что вы? Муравейник?

Эндрю улыбался и кивал. Глаза, казалось, ощупывали и взвешивали Тиринари.

– Прав был Ипполит, – сказал вдруг он. – Прав был.

– Был да сплыл, – широкий рот Смерти расплывается

в улыбке. Злой улыбке. Улыбке «от противного». Он знал, что потом будет жалеть; но был уверен, что иначе нельзя.

Эндрю опёрся на колени локтями, сцепил пальцы в замок. Воротник кремовой рубашки смешно встопорчился.

– Ты бы ушёл из этой когорты, дорогуша, – повторил, вдруг став больше похожим на себя, – место тебе здесь найдём. И перед Философами защитили бы. Оступился, слаб, бывает. А? Всё равно ведь придут наши, отобьют... что будешь тогда делать, как в глаза воспитателю посмотришь?

Дверь открылась.

– Можно? – ослепительно улыбаясь, спросил Мэрион. Сердце Тиринари на миг подпрыгнуло: вот он, человек в белых перчатках, с серебряным ключом на шнурке на шее, в расстёгнутом тёмном пальто и горластом вязаном свитере. Он-то всё объяснит.

– Проходи, проходи, – Эндрю откинулся на спинку и развёл руками. – Препятствовать я тебе не могу; ты сам это знаешь. – и обращается к Смерти. – Так вот, всё равно ведь придут и отобьют. Ведь вас, даже с вашими умениями и вещами, слишком мало. А наши люди умнее и быстро учатся.

– А что же, – Моррисон садится на кровать соседа-старика и кладёт ногу на ногу, – на нас кинут бомбу?

Эндрю вздохнул, будто требовалось объяснить очевидные вещи.

Хотя – почему «будто»?

– Они не станут рисковать нашими жизнями, Моррисон.

– А если бы стали? Вы – готовы бы были умереть?

– Все до единого.

– Потрясающе, – Мэрион сложил руки на груди. В глазах его горели весёлые искорки; от них, казалось, таяла ледяная атмосфера. Эндрю оживился, скрестил руки и ноги и теперь смотрел на Моррисона с интересом. – Нет, это правда потрясающе. У нас такого давно не встретишь. Народ у нас что песок – сгребает в горсть, а сквозь пальцы так и норовит просыпаться.

– Ты поэт, Мэрион?

– Нет. Не довелось. Много насочиняешь, скрываясь по трущобам. Там только и думаешь, как ещё лишний день прожить.

Эндрю сочувствующе поцокал языком: будто до сих пор оставался врачом, а Моррисон – пациентом.

И первый последнего искренне жалел.

– А вы сами, – спросил Моррисон, – будете сопротивляться, если не поступит команды?

– Видно чужого человека, – усмехнулся Эндрю. – Действительно видно! Юноша, конечно же нет! Ведь там, наверху, виднее! Понимаешь?

– Потрясающе, – повторил Мэрион.

– У меня для вас две новости, – произнёс Мэрион.

Созванные в кабинет для совещаний молодчики переглянулись. Кабинет был маленький, отрядик – куцый, и в це-

лом они неплохо подходили друг другу. Мэрион стоял у белой стены – вообще здесь обычно пользовались голографером, но вряд ли он знал об этом. Добровольцы расположились за длинным старым деревянным столом. Смерть поймал себя на том, что стол его раздражает. Стесняет. Так бы и сжёг.

Пальцы царапали столешницу. Смерть слушал.

– Плохая, – Мэрион прошёлся от стены до стены и, вдохновенно жестикулируя, заговорил: – Следующий налёт мы выдержим. А дальше – нет. Империя сильнее нас – она нас раздавит. Смерть, вопросы потом. У тебя уточнение?

Смерть опустил поднятую руку.

– Земля – это не Империя, сэр.

Усмешка.

– Земля, Империя, – сказал Моррисон, – суть разные названия одних явлений. Для тупых: государственная машина, давящая волю рядового человека. Уяснили?

Механик (то есть, Гнев) заёрзал на стуле. Сэр не обратил на него внимания.

– Превосходная новость, – продолжил Моррисон, – состоит в том, что мы можем захватить Империю, и тогда она нам больше мешать не будет. Да что нам! Никому не будет мешать; мы будем... послами свободной воли – кажется, так?

Как буднично он это сказал! Вот так – взять и захватить! У Смерти перехватило дыхание.

– И больница... – сэр прокручивается вокруг своей оси

на одной ноге и, вновь оказавшись лицом к зрителям, разводят руки в стороны: – Тада! Остаётся за нами. Никто не будет нам сопротивляться!

Гнев ворочается у Смерти под боком. Сначала тот пытался закрыть его; затем перестал.

Нарвётся – сам будет виноват. Никому не позволено злить Моррисона.

– Конечно, у вас, дорогие уроженцы этой земли, – Мэрион сделал ударение в слове «уроженцы» на букву «о», – возникнет вопрос: как мы это сделаем?

– Нас восемь отморозков против океана ублюдков, – рявкнул Гнев. Смерть с досадой поморщился и закрыл одно ухо пальцем. – У нас нет шансов, хозяин! Хотим мы этого или нет.

– Я разрешал говорить?

Смерть невольно усмехнулся, но Гнев молча сел на место и вперил мутный взгляд в колени. Смерть вздохнул: публичная экзекуция отменялась.

– Шансы есть, – продолжил Моррисон и снова зашагал по аудитории. – Смерть! Напомни нам, как устроено ваше государство.

Смерть оглянулся по сторонам – взгляды обратились на него, – и поднялся.

Знания, вдолблённые в подкорку, в плоть и кровь... как их рассказать?

– Государство, – начал он, – состоит из трёх сословий:

управляющего, военного и производящего. Второе числилось номинально. На самом деле несколько сот лет не функционировало, а пару лет назад и его объединили с первым. – Моррисон подбадривающе кивнул, сохраняя на лице загадочную полуулыбку. – Управляющее сословие состоит из философов. То есть – людей, умеющих обобщать широкие аспекты жизни, стремящихся отличать истину от лжи, решать этические задачи, в конце концов, просто мудрых. Производящее сословие – те, кто занимаются трудом. В настоящее время особой разницы между первыми и третьими нет: ручной труд уже много лет не требуется. И в первом, и в третьем могут быть как операторы различных машин по производству и обработке, так и учёные, врачи, учителя. Главное различие – особенности мышления: первые готовы управлять и отвечать за важные области жизни, третьи – нет. Родившись в одном сословии, ребёнок, развив соответственные качества, может легко перейти в другое.

– А на практике? – спросил Моррисон. – У нас, например, образование доступно всем... поправка: всем, у кого есть деньги. Понимаешь, куда я веду?

– У нас денег нет, – озадаченно сказал Смерть. Хорошо это или плохо? Свидетельствует ли об отсталости Земли? Наверное, да, иначе бы Моррисон не спрашивал. – В нашей несовершенной системе, сэр, все могут получить одинаковое образование.

– Зря.

– Конечно, зря! – поспешил согласиться Смерть. – Но, повторюсь, можно быть учёным третьего сословия и учёным первого – отличие будет лишь в том, какими задачами тебе позволено заниматься. Учитель первого сословия и третьего отличаются лишь тем, что первый может стать Главой (в том числе и Образования, и Земли), а третий – нет. Философы центрального управления живут в Доме. Самый главный философ – Глава Земли. И... новых философов они ищут среди людей, через систему образования. Каждому даётся по способностям и по нуждам. Государство полностью опирается на решения Дома... и работает, как часы.

Смерть заметил, что Мэрион всё это время рисовал на экране фломастером. Нарисовал – круг, в нём – ещё круг.

– Итак, – сказал пришелец из другого, прекрасного и далёкого, мира, опёршись о стену сбоку. – Ваше государство работает, как часы. Это его сильное место; оно же и слабое. Люди отвыкли думать сами. Я говорю о людях из третьего сословия, конечно, а частью и из первого. Слишком много веков вы зависели от центра, от его решений. Привыкли доверять ему, верно? Значит, чтобы нам дали существовать, нужно, чтобы нас одобрил центр. Но он нас не одобрит. В таком случае мы заменим центральный элемент, – Мэрион закрасил центр круга, – и ав-то-ма-тически получим место в системе, после чего никто больше не сможет нам сопротивляться. Часы продолжают работать!

– Это и так было понятно всем живущим на Земле, –

проворчал тихонько Гнев. Так, чтобы никто не слышал. Но Смерть обернулся и сказал:

– Мне было непонятно, дорогуша. – он сам не знал, откуда это язвительное слово взялось в его мозгу, но оно ему понравилось. А особенно – то, как Гнев мгновенно побледнел. – Я считал, что наша Земля будет протестовать всё равно.

– Это потому, что ты ещё сосунок.

Смерть схватил было Гнева за грудки, но от докладчика последовал удар по столу кулаком.

– Потрясающе. Потом подерётесь, – отчеканил он. – И так, наше дело состоит в том, чтобы заменить собой центральный элемент системы. Остаётся вопрос: как это сделать? Система окажет естественное сопротивление. Особенно если мы, кучка глупых героев, будем действовать *только* силой.

Смерть осторожно придвинулся к кончику стула. Всё, что потребуется для наступления новой эпохи – он сделает! Мэрион обвёл их взглядом и, улыбнувшись сидевшим за дальним концом стола пилотам из последнего налёта, закрыл фломастер.

– Нужно сделать так, чтобы они впустили нас сами.

Глава 3

Здание, куда их привёз летобус, не использовалось уже очень давно. Обычно ребят возили на базы, давно уже служившие лагерями для детей – сияющие, стеклянные, с обширными зоосадами и открытыми бассейнами. Двухэтажная коробка, представшая их глазам в этот раз, оказалась заброшенной: металлическая обшивка на швах покрыта рыжей ржавчиной, а на крыше местами ёршится трава.

– Какое оно маленькое, – ёжится Лена, глядя в окно на то, как приземляются по соседству ещё три летобуса. – Мы разве поместимся?

– Поместимся. Оно больше, чем кажется, – пролетая мимо с пакетом для мусора, поясняет Инга. – Выходим, девочки. Это ваш дом на ближайший месяц.

Ванесса и Лена переглядываются и снова потерянно смотрят в окно.

– Хочу на обычную базу, – говорит Ленка. – Почему нас не привезли в лагерь?

Ванесса согласно кивает. Инга возвращается и раздражённо хлопает девушку по плечу:

– Я что сказала? Отстегиваем ремни, шевелим... конечностями, выходим из летобуса. У нас длинный день впереди.

– А нас покормят? – это девочка, которая *в тот день* зубрила математику с Ванессиной мамой. Анечка, кажется.

– А вы уже голодные? – Девчушка кивает, Инга гладит её по голове. – Потерпи. Установим кухню, разгрузим пищу...

Сначала её не понимают.

А потом группа 3-а входит внутрь здания.

В стороны разбегаются птицы киви, – одно гнездо прямо вот, в углу коридора. Под ногами – пыль и песок. Свет, принявший форму голых оконных проёмов, падает квадратами на пол.

Они вздыхают. Дружно.

Справились со зданием довольно быстро. К середине дня первый этаж и часть второго блестяли; в этом, конечно, больше была заслуга роботов класса «уборщик» и «ремонтник», но всем известно, что их работу нужно проверять и доделывать. В настройке техники немало помогла Лена – её мама была Главой тех, кто отвечал за технологию уборки Дома, и потому девочка была знакома с ними не понаслышке. Людмила, назначенная Главой базы, отправила сопровождающие роботов группы.

– Да и вообще мне нравится прибираться, – рассуждает Ленка, следуя с Ванессой за роботом по коридору. После робота, похожего на большую блестящую таблетку, остаётся чистая, сияющая полоса – словно запыленный экран протирают тряпкой и проступает реальное изображение. Ванесса тащит чистые фильтры (грязные запаковываются в специальное пластиковое вместилище и выплёвываются робо-

том прямо на пол), а Ленка – упаковку капсул с химическим средством. Химическое средство, безвредное для человеческого организма, разъедает грязь мгновенно. Впрочем, если с ним полоскаться часа три, может вызвать раздражение – поэтому Ленка в перчатках.

– Плинтус, – ворчит она, когда Ванесса говорит вслух про то, что надо повторно промыть «стык пола и стен». – Это называется плинтус. Какая грязь!.. показать бы маме, она, наверное, в обморок бы упала. И никуда бы не пустила...

В это время остальные ребята включили генератор электричества, разобрались с устройством воды – оно старое, раз в пять старше Ванессы, и всё насыщено какими-то рычажками. Даже сопровождающие привыкли, что обычно достаточно нажать на кнопку, и всё заработает. Ник при встрече после уборки тут же рассказывает, как всей группой ломали голову, во главе с Людмилой. Но совместными усилиями отгадали, что где закручивается.

Затем девчонок направляют готовить ужин, поскольку автоматы по изготовлению пищи поставлены, но к старым розеткам не подключены, нужен переходник. Оказывается, что плиты – газовые (открытый огонь прямо у вас дома, только подумайте!), и их нужно включать отдельно. «Вот дела!» – хохочет Ник, залезая вновь в трубы. «Прямо как в фильмах без голографии!» Людмила тут же кричит на него. Она в возрасте, и почему-то считает, что высказывание намекает на её древность. «Чем кричать, лучше бы помогла с устройством

разобраться» – думает Ванесса. И говорит. За что тоже получает порцию резких высказываний, но решает не обижаться: всем тяжело.

Ник включает газ, и девочки делают помидорный суп и пюре с котлетами. Суп мальчишкам не нравится, они его почти не едят, и Людмила вполне справедливо возмущается: продукты насмарку! Девчонкам приходится отдуваться за всех.

– Что им не понравилось? Отличный суп, – ворчит Ленка, наливая себе третью порцию. – Мяса мало, подумаешь... их бы к нам домой, у нас тётя вообще мяса не ест. Врачи запрещают.

После обеда Инга проводит знакомство. То есть, не то, чтобы они друг друга совсем не знают, но представиться и немного рассказать о себе – дело вежливости. Они разжигают костёр, садятся кружком во дворе, и, перекидывая друг другу мячик, рассказывают истории. У кого мячик – тот и начинает. Только жалко, что Ванессе мячик за всю игру не попадается. Она очень хотела поведать историю о том, как шлашла и нашла самую настоящую монету! Серьёзно, монету! Раньше люди расплачивались деньгами, но уже лет триста, как они просто не нужны – так развилось общество. Это Ванессе потом папа рассказал, только не велел на каждом углу про то, что она теперь знает, кричать. А монета, представляете, просто лежала на дороге! Правда, позеленевшая и пыльная. Папа посмотрел и сказал, что это самая обычная денеж-

ка – в музеях такие лежат мешками, да ещё и блестящие, как новенькие. Он как философ разрешил Ванессе оставить монету себе, и вот вчера девушка даже взяла её с собой в лагерь.

Но её история не прозвучала. Зато она услышала историю Ника, как он рыбачил в Зелёнке и поймал леща – сначала рыбу, а потом ещё и выговор от экологического надзора. Потому что чтобы забирать животных из водоёма, нужно специальное разрешение. Ник целый час просидел в комнате Белизны и Тишины, и это, сказал он, было ужасно настолько, что к рыбе он теперь на километр не подходит.

Игру прерывает голограмма. Это сработал переносной голографер Инги, закреплённый на нагрудном кармашке рубашки. В центре круга, прямо по колено в костре, появилась фигура человека в тёмном пальто, мешковатых брюках, тяжёлых ботинках – и белых перчатках. На груди на шнурке болтался серебристый ключ.

Человек улыбнулся – странно, незнакомо. Ванесса знает, что он их не видит, – но он кланяется и говорит будто для них:

– Всех здравий желаю, уважаемые! Ваша система предпочитает молчать обо мне; но она больше не может меня скрыть. Я – ваша назревшая проблема. Вас, уважаемые, оставляют в неведении, не считая за людей; не считая за тех, кто может принимать решения. А вместе с тем я – тот, из-за кого в этой части мира устроены карантин и треволнения. Кто я?

Инга вышла из оцепенения и, пугаясь в пальцах, отогнула кармашек и попыталась выключить голографер. Раз нажатие кнопки, раз, ещё раз... голографер не реагировал. Человек в огне – стоял.

– Я – воин, – продолжал незнакомец и развел руками. – Я – тот, кто заставил власть своего мира считаться со мной; я – тот, кто не оставлял зло безнаказанным; я – тот, кто остановил злейшего преступника, бесконтрольно изымавшего души людей, и тот, кто убил того, кто людей умышленно убивал. Вам кажется это невероятным; но да – в мирах Вселенной бывает и такое. Хотите узнать больше? Слушайте...

Голографер, кажется, был вшит в кармашек рубашки. Инга с треском вырвала его и бросила в огонь; изображение человека исчезло, но голос звучал, пока оболочка голографера выдерживала температуру:

– Слушайте! Я буду говорить, а меня будут затыкать; это будет происходить потому, что вашей системе выгодно ваше рабское положение. Но я, человек из другого мира, видел подлинную свободу. У вас нет ничего своего – всё общее; но человеку нужно своё. Слушайте меня – и у вас появится много своего. Вы живёте неправильно; я расскажу вам, как правильно. Слушайте – гласность нельзя подавить...

Голос захрипел, зажужжал и замолк. Остался лишь треск костра.

И молчание собравшихся вокруг огня ребят.

– Инга, – спросил кто-то, – кто это был?

Инга замялась.

– Дети, – она жалобно посмотрела на них, – не заставляйте меня. У меня нет чётких инструкций о запрещении этой темы. Но я хотела бы уберечь вас...

Но дети считали себя взрослыми и загалдели, требуя от Инги пояснений. Кричала и Ванесса – как же, Инга знает, а они нет! Что это такое?

И мелькнула где-то в глубине мысль: «они не рассказывают вам обо мне», «они будут меня замалчивать»... правда?

– Ладно, – сдалась Инга. – Честность – лучшая политика. – «Если человек, зная правду, остаётся со мной – значит, он останется до конца!» – выкрикнул Ник и получил прямо в ухо громким басом «Да молчи ты в конце концов!» парнишки по фамилии Барон. Барон был высокий – под два метра – и говорил так, что иногда звенели стёкла. Но Инга согласилась с Ником:

– Да. А вы хорошие ребята – ответственные, отличающие свет от тьмы и правду от неправды. Вы останетесь. – Она вздохнула. – Это человек... его зовут Мэрион Моррисон. Он из другого мира. Он убивал людей, уклонялся от долга, врал и Душа Земли ещё знает, что делал.

– И он ещё живой? – вырвалось у Ленки. Под взглядами окружающих она смутилась и пояснила: – А что? Мама говорит, кто много врёт и не делает что должно, болеет и умрёт, потому что не нужен обществу...

– В его мире так делают многие, – пояснила Инга. – Их

общество построено на этом. Там не заботятся о том, чтобы создать что-то для всех; там каждый сам за себя.

Справа ойкнули.

– Целое общество отщепенцев!

– Ад какой-то.

– Ужас.

– Да. Общество отщепенцев. И попав сюда... – «А как он сюда попал?» – крикнула Ванесса, но Инга только отмахнулась. – Попав сюда, он привёз порядки своего общества. Он захватил больницу, где его лечили, убил людей, которые отнесли к нему по-доброму. Он прибрал к рукам несколько поселений и теперь, видимо, добрался до вышки.

– Один?

– Нет. У него есть сподвижники. Отщепенцы.

– Фу-у-у!

– Откуда?

– А они ещё живы?!

– Ленка, да никто ещё от неправильного поступка не умер!

– И их количество увеличивается. – Инга не дала перепалке разгореться. – Представьте себе. Есть самоубийцы, которые выбирают его путь. Поэтому будьте бдительны. Я верю, что вы – умные ребята, и слушать этого дурака не будете, и за ним не пойдёте. Все его усилия пропадут впустую.

– Конечно умные! – Ник вскочил, ударил себя кулаком в грудь и закашлялся. Сквозь кашель закончил: – Пропадут!

Опасное положение опасным положением, а учёбу никто не отменял. Тем, кто уже определился, выделяли время для дистанционного обучения в группах. Ник, например, который твёрдо решил связать свою жизнь с сельским хозяйством, ходил вместе с четырьмя десятками людей в определённое время.

– Одно название – дистанционка, – ворчал он, – скинули учебные материалы на стареющие устройства, в которых даже голосовых команд нет, всё печатаешь своими руками, представляете? Своими руками! – тут он показывал девочкам руки, и Ленка отчего-то вздыхала. – Ошибся в написании слова – ответ неправильный! А какой же он неправильный?

– И хорошо, что своими руками печатаете, – не соглашалась Ванесса. – А то у тебя «овтаматизация процесса»...

Ванесса и Ленка, как не определившиеся («неудачницы» – хихикал Ник и некультурно показывал язык) и потому ещё продолжавшие общее обучение, были в классе, который вели по основным предметам три человека. В их числе был учитель, только-только закончивший первую часть своего курса и приступивший к работе. Звали его Бат. Эх, конечно, все девчонки в него повлюблялись! Ленка так точно – только и трещала, что о нём, благополучно забыв про Ника. А Ванессе он незаметным показался. Слишком он собой любовался – задерживался, например, у зеркала дольше, чем

сама Ванесса. А как он рассказывал про себя, иногда прямо на уроках! Всё «я», да «я». И всё так выходило, что он самый клёвый и умный. Скучно и смешно. Видно, что практикант ещё.

На второй день Ванесса, не выдержав разглагольствований молодого учителя, вышла на уроке прогуляться. Безлюдный коридор, тяжёлый, давящий, был страшен без людей, и она, с трудом подавив желание незамедлительно вернуться, бежала по загаданному маршруту, стараясь преодолеть его быстрее. Внезапно её настиг голос Барона:

– Ванка! Подойди!

Ванесса огляделась. Барон сидел на подоконнике. Он ходил в другую группу, вроде по управлению мини-фабриками, и уроков у них сегодня не было. Она подбежала:

– Привет! Давай быстро, а то у меня занятия.

Барон важно кивнул.

– Сегодня мы идём слушать отщепенца. Идёшь с нами?

– Что-о-о-о-о? – Ванесса от растерянности заговорила громче, чем следовало бы.

– Да тише ты, – Барон завертел головой. – Кричит стоит. Я говорю: слушать отщепенца идёшь?

– Зачем?

– Ну как. Интересно же.

– Нам запретили.

– Ну и что, что запретили? Мы идиоты какие или мелкие? Мы уже взрослые. Вон, даже Инга с нами разговарива-

ла, как со взрослыми. Мы умные, и в его ловушку не попадёмся, а значит, можно идти и смотреть, что скажет этот чудик.

Ванесса огляделась и прошептала:

– А учителя знают?

Барон закатил глаза.

– Вот прицепилась правильная! Бат организует. С ним просмотр идёт.

Ванесса немного успокоилась. На щеках снова появился румянец.

– А-а, понятно. Всё официально.

Барон постучал себя по лбу:

– Нет! Какое официально! Даже не думай кому сказать! Не хватало ещё, чтобы глава лагеря пронюхала!

Растерянная, Ванесса поблагодарила за приглашение и отправилась восвояси.

Конечно, она не пошла. А вот Ник и Лена, которых тоже коснулась великая и могучая сеть слухов, втянулись: первый сразу, а вот вторая – сначала морщила нос. Но через пару недель Ник – который ей всё-таки по-прежнему немного нравился – её на собрание затащил. Ванесса еле отбилась и долго сидела в пустой комнате, делая вид, что читает книжку с голографера, а сама прислушивалась: идут, не идут?

– Ванка, там такое! То есть ничего особенного-особенного, но это нужно самой увидеть, – взахлёб, всплёскивая ру-

ками, причитала потом Ленка. Через неделю, ёжась и оглядываясь, пошла снова.

Потом ещё и ещё.

Отщепенец имел недюжинную энергию: вещал каждый день. И с каждым разом всё больше людей смотрели его, вскоре даже образовался кружок тех, кто смастерил голографер сам и глядел передачи отдельно от Бата.

– Что ж там такого интересного? – удивлённо спрашивала Ванесса. И у Ленки, чуть смешливо: – Не умрёшь от просмотра?

– Если чуть-чуть, то можно, – сложив белы рученьки перед собой, отвечала Ленка. – А он интересно рассказывает. Ты б глянула хоть глазком, умница! Внешне такой интересный, такой живой и самобытный! Даже певец Бемчог по сравнению с ним такой стеклянный, правильный. А он живой. Он личность.

– И воспоминания свои показывает, – вставлял Ник. – Интересные! Бах, бах, бах! – и Ник показывал, какие такие воспоминания. Понаблюдав, Ванесса только пожала плечами.

– А не противно? – спрашивала она. – Это такой человек... мы с такими людьми боремся сотни лет. Как с болезнью общества. А вы его слушаете и смотрите. Ещё и восхищаетесь.

– Человек он отвратный. Но синема шикарная! Бац! К тому же, чем его бить, если не его же оружием? Мы должны подготовиться и дать отпор!

Ванесса была вынуждена согласиться, что звучит это логично. Они хотели было отправиться в столовую, когда из аудитории, где Бат проводил «просмотры», побежали ученики:

– Глава идёт!

Ванесса пожала плечами: ей бояться было нечего. Все бежали; она спокойно шла посередине коридора.

Навстречу тяжело шагала Людмила. Ванесса поздоровалась с ней и собиралась было пройти мимо, когда пальцы с ярко-красным лаком на ногтях сомкнулись на её предплечье.

Так, с прижатой к себе тетрадкой, Ванесса и оказалась среди пойманных. Аудитория оказалась забита людьми: их оказалось больше, чем полагала девушка по рассказам друзей. Она стояла, прислонившись к углу, и смотрела, как гордо разговаривают друг с другом сидевшие на полу сторонники Моррисона. Да, в большинстве своём они гордились, что их посадили сюда! Поразительно!

Вошла Инга и широко раскрытыми глазами оглядела соборных. Ванесса, расталкивая людей, кинулась к ней:

– Инга! Меня сюда посадили, но я ничего!..

– Ты знала, что они смотрят? – оборвала её Инга. Ванесса растерялась – причём тут это? – и пролепетала:

– Да.

– Тогда виновата, – отрезала женщина и, отстранив дев-

чонку, продолжила тревожно оглядывать зал.

– В чём?! – растерянно воскликнула Ванесса.

– Что не сказала.

Ванесса, потерянная, прошла обратно и села, втиснувшись между Бароном и Батом. Да, Бат был здесь же, среди собственных учеников. Сидел, закинув ногу на ногу, и ноздри его раздувались от негодования.

– Это невозможно, – прошептал он приземлившейся Ванессе. – То, как они с тобой поступили, совершенно несправедливо. Вот она, наша безошибочная и великая система! Я бы всё устроил совсем иначе, да! Хочешь узнать, как?

Вошла Людмила. Она говорила с учителями и сопровождающими. Затем последние ушли, и Глава осталась. «Для разговора» – с облегчением поняла Ванесса. «Она-то всё решит. Мне повезло: я присутствую при том, как Глава наведёт порядок в отведённой ей области. Я смогу брать пример, смотреть, как исправляются те, кто нагрешил»

Людмила остановилась у микрофона, воцарилась тишина. Она обвела их глазами, и веки были замазаны серо-синими тенями так, что кожи не было видно. Ник иногда хихикал, что у неё вторая пара глаз открывается, когда она обычные глаза закрывает.

– Отпускаю вас, – проворчала она, – впредь будьте умнее.

Зал взорвался аплодисментами. Все, и Барон с Батом, повскакивали с мест. Ванесса сжалась и заозиралась: ей чудилось, что она сама попала в чей-то сон.

«Интересно, что значит – «впредь будьте умнее»?

Бат учился на преподавателя морали и этики. Поэтому именно этим урокам он уделял больше внимания, чем каким-то литературам и языкам; и именно поэтому девчонки этику не пропускали. Группа представительниц данного поколения, судя по посещаемости, обещала быть весьма этичной. Уроки у него казались простыми; сам молодой, он много не загружал, больше разбирал для них сам – на примере фильмов, книг, ситуаций из жизни. Частенько он начинал рассуждать о себе любимом – у Ванессы это неизменно вызывало улыбку; впрочем, её девушка старалась прятать.

Вот и сегодня – начал вспоминать, как, будучи в школе, озорничал: рисовал на стенах, на партах, на полу, на деревьях, один раз даже на потолке.

– Нравилось мне рисовать, – говорил он, задумчиво встав посреди класса и постукивая ручкой по ладони. – Это была моя индивидуальность. Знаете, ребята, что такое индивидуальность? Не знаете. У нас мало кто об этом знает... – он щёлкнул ручкой. – У нас индивидуальность давят в зародыше, да... обществу то не надо, это не надо, то ему не подходит! А может, я такой, я не могу подходить этому вашему обществу! Я мог стать гениальным художником! Расписать стены домов и церквей, рисовать дам... впрочем, это лишнее, – добавил он под смех ребят.

После урока Ванесса увидела, как Бат говорит о чём-то

с одноклассниками. Кажется, он передал какие-то записи; впрочем, те стояли тесным кружком в конце коридора, а Ванесса только вышла из класса, полного тёплого света ламп. Силуэты казались причудливой игрой теней, где-то на грани вымысла; тем более было страшно, что всё это может оказаться правдой.

«Почему она тогда отпустила их?» – подумала Ванесса и поправилась: «Нас. Понадеялась, что больше не будут? Может, они правда больше не смотрят его?»

Она поравнялась с группкой людей и остановилась. Ленка! Прямо рядом с учителем, и глаза спрятала, чтобы не встречаться взглядом с Ванессой. Бат обернулся и приветливо улыбнулся.

– Ванесса! – воскликнул он. – Не желаешь посмотреть буклет? Как раз в тему урока – об индивидуальности. Тебе будет полезно!

Подначивающий смех ребят.

Ванесса посмотрела на протянутую бумагу, вчиталась в текст, покачала головой, вернула листовку и отправилась восвояси.

Затем она долго мучилась. Пока готовила задание; пока принимала душ; пока лежала и слушала дыхание соседок. Под утро – не выдержала.

– Инга! – она постучалась в дверь комнаты, где жила сопровождательница. Дверь открылась – Ванесса с удивлением

обнаружила, что, несмотря на раннее утро, женщина была одета в яркий рабочий костюм. Внутри шевельнулся червячок сомнения.

Женщина склонила голову к плечу и не то с досадой, не то с тоской глядела на Ванессу.

– Инга, – повторила девушка. – Важный разговор. Это по поводу кружка Бата.

Инга округлила глаза, прижала палец к губам и прошептала:

– Хотя бы не в коридоре! Проходи, проходи!

Она затащила сбитую с толку Ванессу за руку в комнату и захлопнула дверь.

Комната была безукоризненно прибрана. Более того – ни безделушек-статуэток-картиночек на стенах и полках; ни салфеточек-занавесочек; даже плед, которым была накрыта застеленная постель, имел вид казённый. В углу на столе работал коммуникатор; сейчас он был скрыт защиткой – из-за мутной пелены было не разобрать, кто или что на его допотопном экране.

В душу Ванессы снова закрались подозрения. Она до сих пор не чувствовала в полной мере, что действует правильно. С одной стороны, в кружке – её учитель и Ленка; Ник, слава всему, только смотрит эти синемы, отдельно от кружка. Хотя и он неизвестно, чем там занимается. С другой – происходящее было пугающим, непонятным, опасным. Разбираться самой? Сначала понять бы, с чем разбираться и как к этому

относиться.

А что, если и Инга общается с этим мужиком? Ну, который в белых перчатках. И тоже идёт за ним. Но тогда зачем она говорит им всё время, какой он плохой?

– Не молчи, – устало процедила Инга сквозь зубы. Под глазами у неё темнели круги, зазорные конопушки, казалось, побледнели, а рыжина поблекла. – Садись.

Ванесса села на застеленную кровать. Помявшись, решила рискнуть и рассказала о том, какие листовки раздавал Бат после урока. Инга села напротив на стул и слушала, не перебивая. Когда Ванесса закончила, она спросила:

– Не брала листовку?

– Нет! Я... зачем?

– Надо было, – Инга запустила руки в волосы. – Это было бы доказательством.

– Извините, я не знала...

– Идём к Людмиле, – Инга выпрямилась и поднялась на ноги. – Может быть, тебя послушает. Репутация у тебя хорошая.

Они проследовали на третий этаж; там, в конце коридора, находилась комната Главы. Инга долго жала на звонок, пока заспанный женский голос не спросил:

– Кто?

– Инга.

Секунда молчания, затем дверь открылась – и вот Людмила отошла в сторону, запахивая халат. Только сейчас, когда

она была в домашних тапочках, Ванесса поняла, насколько та ниже уровня её плеч.

Комната была самая обычная. Но, не в пример Ингиной, её украшали безделушки: постель была прикрыта цветастым пледом. У кровати лежал коврик, стилизованный под старинную шкуру льва; на стенах висели две картины, изображавшие людей в старинных дворцах. На столе стояло зеркало в изящной оправе, стилизованной под цветы.

Сесть гостям не предложили. Людмила прикрыла дверь и теперь стояла, уперев руки в бока. Напротив неё Инга и Ванесса переминались с ноги на ногу.

– Есть свидетель, – резко произнесла сопроводительница. – Ванесса, расскажи.

Девушка сбивчиво повторила рассказ. Выслушав её, Людмила отвернулась к Инге и, улыбаясь, возразила:

– Этого не достаточно. Девочке могло показаться. Она напугана, ничего не понимает – это ведь нормально для детей в её возрасте. И что плохого в идее об индивидуальности? Разве Бат не мог придумать это сам? Он, позвольте напомнить, учитель морали и этики. Вот если бы у неё был листок, а мы могли изучить содержание...

– Отправьте доверенных на обыск.

– Знаете, Инга, ваши методы кажутся мне кощунственными. Глядя на вас, некоторые из молодёжи действительно могут подумать, что наша система – такая, как говорит Моррисон. Мы всегда стояли за сохранение свобод людей, и за сво-

боду на личное пространство тоже. Если бы к вам я заглянула с обыском, вам бы понравилось?

Ванессе вспомнилась Ингина комната – собранная, пустая.

– Я всегда готова, – отрезала рыжая сопроводительница. – За нашу общую Землю можно и пожертвовать частью каких-то свобод.

– Не все так думают, Инга. Сейчас тяжёлое, опасное время...

– Вот именно! – женщина заговорила с пылом готового выплеснуться наружу вулкана. – Сейчас тяжёлое время! Любая ошибка, любой недосмотр могут быть непростительными! Нужно действовать немного жёстче! Следите за всеми помещениями!

– Вы знаете, что это невозможно, так как большинство старых камер повреждено. Новые в ближайшее время мы не получим.

– Таинственно повреждено, – саркастически произнесла Инга в сторону. Людмила нахмурилась.

– Инга, успокойтесь! И так из-за Ваших поспешных действий я была вынуждена действовать слишком жёстко. Ловили, сгоняли детей, как скот! Видите, мы так запугали человека, что она пришла к нам с повинной посреди ночи.

– Но я не с повинной, – удивилась Ванесса. – Я не состою в этих кружках...

– Если они есть.

– Они есть! – воскликнула Ванесса. Глава лагеря одарила её взглядом таким холодным, что девушка смутилась: ну вот, перебивает старших, да ещё саму Главу лагеря! Она сама бы, наверное, так на себя посмотрела.

Инга пришла на помощь:

– Девочка знает, что говорит! Они есть, вы сами видели запись с камеры! Ещё первая их встреча!

– Это старинная камера. Чудом уцелевшая. Без звука. Если уж на то пошло, преступлением можно считать и ваши посиделки у костра в первый день. – Инга замерла. Открыла было рот, чтобы возразить, но Людмила заговорила быстрее, не давая перебить себя. – Нам нужны доказательства. Без доказательств нельзя ничего делать. Вот вы обратились без моего ведома напрямиком в то, что осталось от Органа Второго Сословия. И что? Что изменилось?

– Мы напугали смятенных. Но нам нужны более решительные действия! Сейчас не такое время, когда можно сидеть и разбираться! Это не первый свидетель, Людмила! Я же приводила Вам ребят, вы сказали, что нужны трое! Она третья!

Интересно, кто остальные двое?

– Сложно сказать, можно ли доверять её словам, – парировала Людмила. Ванесса обиделась и возразила:

– Я готова пройти все тесты на правдивость.

И снова получила взгляд, полный холода морских впадин.

– Нет, нет и нет, – покачала головой Людмила, – я должна

подумать. Нельзя брать и так это начинать... кстати, Инга, коммуникатор ещё у вас? Мы запеленговали несанкционированный сигнал... кажется, он шёл из вашего крыла. Снова звонили в свой Орган?

Инга чуть улыбнулась одними губами. Людмила истолковала это по-своему.

– Так потрудитесь его сдать. Беспokoите людей, беспокоите. Связь и так плохая, у людей работы много, а вы!..

Когда дверь захлопнулась, Инга прошла к подоконнику и села на него, глядя под ноги. Ванесса встала рядом и робко спросила:

– Мне... раздобыть листок?

Инга поглядела на неё и ухмыльнулась. Покачала головой:

– Не стоит.

– Может, это правда не так уж опасно? – неуверенно спросила Ванесса. – Кружок этот... просмотры... они же просто смотрят.

– Не опасно? – Инга горько засмеялась. – Не опасно – первый убийца за множество сотен лет на нашей земле? Не опасно – он убеждает нас в том, что он не плохой, а хороший, прямо-таки замечательный и необычный, особенный? Не опасно – дети могут начать повторять за ним?

Ванесса покраснела и начала ковырять носком сандалии каменную плиту пола.

– Ну не повторяют же, – упрямо пробормотала она. –

Вы же сами сказали – мы умные. Так что нам нечего бояться.
Пальцы Инги сжались в кулаки.

– Нет, – сказала Ленка, пожав плечами. – Я тут занимала.
Наутро придя в столовую и обнаружив там очередь (автоматы по готовке уже работали, и Ленкино с Ванессиным умение варить томатные супы осталось не востребованным), девчонки приуныли. Просто Ванесса, пришедшая в комнату поздно, проспала, и из-за неё девчонки опоздали. А с такой очередью на занятия точно не попадёшь!

А если учесть, что первый урок сегодня у Бата...

Вот Ленка и пошла в начало, встала и сказала эту сакраментальную фразу. Ей – поверили. Даже не подумали, что она могла соврать. Обернувшись, Ленка поманила Ванессу к себе.

– Лен! – прошипела та, вставая рядом.

– Что?

– Но ты же соврала! Как восьмилетка! То есть... все врут в детстве, но после восьми у всех это проходит! Тотальная честность!

– И что? Приврала. Я для благого дела, а значит, можно.

– А как же то, что заболеешь и умрёшь, если будешь поступать плохо?

Лену на мгновение перекосило. Потом сказала:

– А сподвижники Моррисона вон вообще... всякое творят, а живые сами. Потому что для благого дела, во имя за-

щиты индивидуальных свобод. – сказала она стеклянным голосом, словно повторяя за кем-то. – А я только соврала. Ничего, не заболею.

Жизнь шла своим чередом, но становилась всё непонятнее.

После обеда Ванесса решила прогуляться. Ей не хотелось видеть никого; мир, который сам толкал себя к беде (и ведь через вроде бы разумные и логичные доводы!), её пугал. В саду, среди безмолвных и культурных растений, было лучше.

Так ей казалось до того, как в саду она нашла Ника. А с ним – ещё пятеро мальчишек и двух девчонок. Рядом – местного кота, привязанного к дереву и смотревшего не менее озадаченно, чем сама Ванесса.

– Что вы делаете? – спросила она, изрядно удивлённая, у Ника.

– Готовимся к приходу Моррисона, – отвечал тот, мгновенно напустив на себя суровый вид. – Он убивает тех, кто ему особенно не повинуется. Значит, мы должны убить его и избавить Землю от зла! А для этого надо подготовиться. Вот, начинаем с животных.

Улыбка у Ванессы сползала с лица медленно.

Очень медленно.

– Я не понимаю, – сказала она.

– Ну убьём животное, если сможем. А когда наберёмся

смелости... это сделать... – он невольно сделал паузу, переводя дух, – со зверем – сможем и человека. Простая система! Ну и если можно Моррисону, то и нам можно, верно? – добавил он, словно уговаривая себя.

– Вы что, – она обвела взглядом знакомые и, как ей казалось раньше, понятные лица. – Вы серьёзно? Вы сами это придумали?

Они не улыбались в ответ. Ник неопределённо покачал головой.

– Посмотри, если не можешь. Тоже профилактика, да, ребят? Ты же Моррисона не смотрела по голографу?

– Дай нож, – приказала Ванесса. – Пожалуйста! Ник! – голос дрожал. Ванесса боялась, что расплечется прямо сейчас.

– Ну если ты хочешь первая, – неуверенно протянул он и подал рукояткой вперёд. Ванесса схватила нож и начала неумело перерезать шнурок. Сначала он не поддавался; затем как-то резко ослаб, Ванесса схватила наконец начавшего брыкаться кота и что есть духу помчалась к лагерю. Вслед ей неслись недоумевающие крики.

Слёзы застилали глаза; девушка перепутала вход и поняла это, лишь когда под ногами захлюпала вода. Это был вход в подвал; его, кажется, давно затопило. Кое-как перешагивая лужи и увязая в чавкающей жиже, она выбралась обратно. Кот уже не брыкался и лишь с укором смотрел на неё.

– Ванесса? – Ингин голос. Коридор. Опять. Будто и не менялись декорации с ночи. Оглядела, взгляд задержался

на туфлях Ванессы, мокрых, с налипшими комками грязи. – Где ты так из?...

– Я из подвала.

– И зачем тебе в подвале наш местный кот?

Ванесса опустила глаза. Робко погладила кота – тот хлопнул её ухом по руке.

– Не мне. Я забрала его у ребят. В парке. Ребята хотели его мучить. Я не вру, вот что хотите думайте.

Инга секунду на неё смотрела. Затем с тем же спокойным лицом села на пол.

– Я слушаю, – сказала она.

Ванесса в ужасе огляделась.

– Не могу, – сказала она. – Они же... это они. Все. Все они!

Инга кивнула.

Ванесса села рядом с женщиной на пол и спрятала лицо в кошачьей шерсти. Кот недовольно возился и мявкал, но Ванесса не отпускала.

– Почему так? – глухо проговорила она. В рот мгновенно набилась шерсть, и Ванесса подняла голову и, сморщившись, счистила волоски с языка. – Вы же старше, вы знаете. Вы должны знать. Почему они стали... такими?

– Ещё не стали, – отвечала та. – Но скоро... Как? Ты видишь: сначала он рассказывает о себе. Даёт понять, что такая жизнь, как у него, вообще возможна. Бесстыдство его порока шокирует: он такой, и даже не смущён этим? Это заставляет часть из нас негодовать, часть – восхищаться... часть – ми-

ряться и давать ему право на существование. Но всем нам – обсуждать его, а значит – допускать в свою жизнь. Поскольку он постоянно находит способы связи с нами, мы привыкаем. Нам кажется, что может быть, это норма, что может быть, так тоже можно – ведь он такой не потому, что плохой, а потому, что из такого мира. Он несовершенен, надо его жалеть... он смел и вынослив – значит, хочется ему подражать. У нас проходит это аномально быстро. Наверное, это из-за особенностей психики, сформировавшейся за последние сотни лет. Мы привыкли, что философы ведут нас и решают за нас... отделяют хорошее от плохого и транслируют нам. Вот мы и нашли себе нового философа.

Инга опять запустила пальцы в волосы. Выпустила их; с недоумением оглядела порыжевшую ладонь.

– И что нам делать? – Ванесса оторвалась от недовольно фыркающего кота и теперь смотрела на сопроводительницу. – Почему, если все это знают, никто ничего не делает?

– Ванесса, – девушка вдруг поняла, что сопроводительница плачет. Голос её – ровный, как и лицо; но слёзы просто падают на ладонь. – Как ты думаешь, чем занималось второе сословие? Ну да, вы даже не задумывались... так вот, Ванесса. Воспоминаниями. Воспоминаниями о войнах, изучением их причин. Но поскольку стало считаться, что войны искоренены, надобность во втором сословии стала отпадать. Людей отправили на разные другие нужные должности. Так вот, Ванесса. Самое главное, что узнаёшь во втором сосло-

вии, – это то, что все мы люди. Наша природа немного изменилась жизнью на Земле последних лет – но в целом она та же. И все они больше поверят проходимцу с голографера, чем мне, ведь показанное по голограферу кажется авторитетнее. – Инга судорожно вдохнула. – Более того, девочка. Я – такой же человек, как вы. Я не философ. Я могла бы стать лет через тридцать, – но пока нет. И я не знаю всего. Я знаю только симптомы. Я вижу их, но я точно так же не знаю, что делать! Это должны придумать философы! Они умнее, и... я звонила, но Людмила против сообщения со вторым сословием и философами, как ты видишь. Инструкцию дать мне не успели.

Женщина вытерла глаза тыльной стороной ладони.

Ванесса отвела взгляд. Плакать расхотелось. Она почесала недовольного кота за ухом.

– Может быть, – неуверенно предположила она, – этот человек и есть Душа нашей земли? Папа говорил, что она недавно объявилась. Пришёл показать новый путь, путь полного счастья? И зря мы...

Вспомнила сцену во дворе, прижала терпеливого кота к себе – тот недовольно хлопнул ухом – и замолчала.

– Куда уж счастливее, – проворчала Инга. – Сразу видно, что ты и вправду этого... чудака не слушала. Сложно назвать счастливым мир, где люди не могут доверять друг другу. Мир, где тебя может убить что угодно, если ты не убьёшь это раньше. Где приходится объединяться в группки, чтобы

выжить, и не факт, что завтра тебя не предадут. Он кто угодно, но не Душа. Земля должна собраться и уничтожить его.

– Ребята и пытаются.

– Они – неправильно пытаются, – отрезала Инга, вновь становясь собой. – Для этого у нас есть воинское сословие, пусть и почти упразднённое. Оно должно заниматься такими вещами с подачи философов. Они смогут научить сопротивляться Моррисону правильно. Скорее всего, разберутся с мужчиной из голографера, не убивая его. К примеру... Дом очень стар – во много раз старше нас. В его подвалах есть темницы. Туда, думаю, его и заключат. Надеюсь, это будет последний случай, когда тюрьма будет использоваться по назначению.

– То есть мы должны молчать и ждать? – кот снова начал брыкаться, и Ванесса наконец отпустила его. Кот отряхнулся; Инга села на корточки, протянула руки и почесала бедное животное под подбородком.

– Нет. Безмолвие – это путь к поощрению зла. Если будешь молчать и ждать, что кто-нибудь будет сопротивляться за тебя – поможешь злу. Добро должно быть с кулаками.

– Я не понимаю, – призналась Ванесса. – Добро – это ведь непричинение боли и...

Инга только отмахнулась. Приказала:

– Показывай, где эти... герои.

– Вы что себе позволяете? – Инга металась, как тигр, меж-

ду сидевшими во дворе ребятами. Те остолбенели на местах: кто над пойманным в лесу волчонком, кто – вальяжно при-слонившись к дереву. – Это что ещё такое? Трубка?

Она выбила изо рта подопечного презрительную цацку. Паренёк схватился за щёку и взвизгнул:

– Это не трубка! Муляж! Проверьте, проверьте!

Инга резким движением отвернулась от него. Взгляд её горными снегами висел над ребятами, грозя превращением в лавину. Ребята сжимались в комки, с ужасом наблюдая за взбесившейся сопроводительницей.

Никогда с ними не обращались *так*.

Инга вычурно выругалась и отобрала у парнишки-без-трубки волчонка. Зверёк скулил и никак не хотел убежать, норовил залезть женщине под куртку. Инга украдкой смахнула злую слезу, взяла малыша на руки и наставила указательный палец на Ника.

– Мы учимся убивать, – услышал Ник свой непривычно твёрдый голос. Грудь сама выпрямилась, голова поднялась, в углу рта тень усмешки – истинно герой Моррисоновских фантазий. Инга подняла брови.

– Да? Учитесь? – ласково спросила она. – Прямо так и учи-тесь, хотя к сословию воинов не принадлежите? Молчать! – рывкнула она. – Дай слово идиоту, он тебе весь мозг... съест. Моя очередь! Вы что думаете, недоумки – едва научитесь убивать, как станете крутыми? Вышел в чистое поле и всех врагов побил? Раз-два, финт ногой и враг повержен? Кишки

фонтаном, гип-гип ура?

Кто-то поднял руку, надеясь вставить слово в монолог. Инга шлёпнула его по руке, вынуждая опустить. Смотрела, вдруг поняла прятавшаяся за деревьями Ванесса. Сопроводительница тоже смотрела то, что транслирует Моррисон.

– Ваше время вякать кончилось в тот момент, когда вы затеяли эту дрянную сценку! Запомните: всё, что он вам показывает – враньё! Чистой воды! А вы хлебала раскрыли – ура, показывают, что нельзя, – она скривила рот, как древняя маска, и свела глаза к переносице, изображая ребят, и вернулась к прежнему лицу: – Придурки! Настоящая война – это не одному на десятерых выйти с ножичком наперевес! Так не бывает! И Моррисон так на самом деле не может! Это постановка, мать вашу! Конечно, где вам – уметь различать постановку... по каналам показали, значит, правда! Стыдно! Умники... Настоящая война – это грязь, кровь, смерть друга! Когда ты пошёл в атаку, но не успел сделать двух шагов – и ты убит! Да вы, шмакодявки, сбежите, когда вы увидите настоящих бойцов лицом к лицу! Скулить будете почище этого щенка!

Ну что ты раскричалась, женщина, думал Ник. В показах Моррисона женщин всегда спасают, а ты кричишь, как главный злодей. Неправильная ты.

– А ну слушать меня! – Инга подскочила и потрясла Ника, хотя тот был на голову её выше, за грудки. Назвала словом настолько нехорошим, что Ник почти не понял, но обидел-

ся. – Вроде умные парни, а ведёте себя как... защищать людей – надо! Похвально! Но ваше самообучение... – она высказалась, чем считает их самообучение. – Идите во второе сословие – там вас научат! Там всё покажут! Потом сбежать захотите, а не сможете. Но пока вы – дети и пока вы здесь, никто... – Инга выразилась ещё более красочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.